

Институт _____ ИСГТ _____
 Направление подготовки _____ Зарубежное регионоведение _____
 Кафедра _____ ИФНТ _____

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

Тема работы
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЯПОНИИ В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

УДК 327.8: 316.74: 316.61: (510),(520)

Студент

Группа	ФИО	Подпись	Дата
11з21	Давыдова Анастасия Вениаминовна		

Руководитель

Должность	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Профессор кафедры ИФНТ	Сосковец Любовь Ивановна	Доктор исторических наук		

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ:

Зав. кафедрой	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
ИФНТ	Трубникова Наталья Валерьевна	Доктор исторических наук		

Томск – 2016 г.

Планируемые результаты обучения

Механизм определения планируемых результатов обучения основан на требованиях ФГОС и стандартов ТПУ по формированию общекультурных (универсальных) и профессиональных компетенций выпускников, положениях концепции ООП, учете целей ООП и рекомендаций заинтересованных работодателей.

Механизм корректировки результатов обучения предполагает совершенствование системы оценивания знаний, умений и навыков, приобретаемых студентами в образовательном процессе, внедрения в практику учебного процесса индивидуальных и групповых творческих проектов, проведения учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы, прохождения практик, выполнения ВКР.

Код результата	Результат обучения (выпускник должен быть готов)	Требования ФГОС, критериев и/или заинтересованных сторон
<i>Профессиональные компетенции</i>		
P1	Осуществлять профессиональный письменный перевод официальной и деловой документации на английском языке и языках региона специализации (китайском, японском, корейском)	Требования ФГОС (ОК-3, ОК-4, ОК-11, ПК-12, ПК-13, ПК-14, ПК-15, ПК-16, ПК-17)
P2	Осуществлять протокольное сопровождение официальных лиц и устный перевод выступлений по вопросам, касающимся торгово-экономической, общественно-политической, культурно-страноведческой проблематики	Требования ФГОС (ОК-2, ОК-3, ПК-12, ПК-13, ПК-14, ПК-15, ПК-16, ПК-17) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P3	Осуществлять функции секретаря, секретаря-референта руководителей региональных и федеральных органов государственного управления, ответственных за проведение внешней политики в отношении зарубежных стран и регионов	Требования ФГОС (ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-7, ПК-8, ПК-9, ПК-10, ПК-11, ПК-14, ПК-15; ОК-8, ОК-9, ОК-10, ОК-11, ОК-12, ОК-13, ОК-14, ОК-15)
P4	Формировать базы данных по различным аспектам социально-политического, экономического, культурного развития стран и регионов	Требования ФГОС (ПК-1, ОК-10, 11, 12, 13, 14) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P5	Анализировать информацию по региону специализации, отдельным странам, организациям, деятелям с использованием источников на русском и английском языках, китайском, корейском и японском языках.	Требования ФГОС ПК-1, ПК-2, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-7, ПК-8, ПК-9, ПК-10, ПК-11, ПК-12, ПК-14, ПК-15, ПК-16, ОК-13 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и

		языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P6	Проводить экспертные работы с документацией, предназначенной для развития деловых, культурных, дипломатических контактов российских предприятий, учреждений, фирм с зарубежными партнёрами	Требования ФГОС ПК-1, ПК-3ПК-4, ПК-5, ПК-8, ПК-9, ПК-10, ПК-14, ПК-15, Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P7	Проводить консультирование представителей государственных учреждений, фирм и других заинтересованных лиц по экономическим, общественно-политическим, социально-культурным вопросам, связанным с регионом специализации	Требования ФГОС ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-7, ПК-8, ПК-9, ПК-10, ПК-11, ПК-12, ПК-14, ПК-15 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P8	Готовить на русском и английском языках, а также на китайском, корейском и японском языках информационные буклеты, рекламные проспекты и иные информационно-аналитические материалы, предназначенные для продвижения интересов отечественных предприятий и организаций за рубежом,	Требования ФГОС (ПК-15, ПК-16, ПК-17) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P9	Готовить дайджесты научных и информационно-аналитических изданий общественно-политической, торгово-экономической, культурологической направленности на русском, английском языке, а также на языках региона специализации (китайском, корейском, японском)	ПК-7, ПК-14, ПК-16
P10	Осуществлять письменный перевод общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы	Требования ФГОС ОК-3, ПК-12, ПК-13, ПК-16
P11	Осуществлять компьютерный набор и первичную верстку информационных материалов на русском и английском языке, а также на языке региона специализации (китайском, корейском, японском)	Требования ФГОС ОК-11 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P12	Планировать, осуществлять и готовить к презентации результаты индивидуального научного исследования по проблематике	Требования ФГОС ОК-10, ПК-7, ПК-8, ПК-9 Требования заинтересованных

	международных отношений и региона специализации	работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P13	Составлять аннотированную научную библиографию по тематике, связанной с регионом специализации, на русском, английском языках, а также на языке региона специализации (китайском, корейском, японском)	Требования ФГОС ПК-7, ПК-8
P14	Участвовать в подготовке учебников, учебно-методических материалов по общественно-политическим и гуманитарным дисциплинам	Требования ФГОС ПК-7, ПК-8, ПК-9, ПК-10, ПК-11 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P15	Применять знания по истории, культуре, этнологии, этнической психологии стран и народов региона специализации в переговорном процессе, в организации культурно-просветительских мероприятий	Требования ФГОС ОК-2, ОК-3, ОК-9 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P16	Организовать и проводить выставки, презентации, аукционы и иные мероприятия в сфере культуры	Требования ФГОС ПК-17, ОК-3, ОК-10 Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P17	Подготовить материалы о международных мероприятиях в сфере культуры, проводимых в России и за рубежом, на русском и английском языке, а также на языках региона специализации (китайском, корейском, японском)	Требования ФГОС ПК-16
<i>Универсальные компетенции</i>		
P18	Толерантно воспринимать культурные, конфессиональные, политические, мировоззренческие особенности народов иных культурных традиций	Требования ФГОС(ОК-1) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P19	Применять знания основ дипломатического и академического	Требования ФГОС (ОК-2) Требования заинтересованных

	этикета в профессиональной деятельности	работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P20	Применять навыки рефлексии, адекватно оценивать свои образовательные и профессиональные результаты	Требования ФГОС (ОК-5)
P21	Понимать социальную значимость своей профессии, нести персональную ответственность за результаты своей профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ОК-6) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P22	Владеть культурой взаимоотношений, эффективно работать индивидуально и в качестве члена и руководителя группы, следовать производственной дисциплине, демонстрировать ответственность за результаты работы и готовность следовать корпоративной культуре организации	Требования ФГОС (ОК-4, 5, 6, 15, 16, 17,18) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P23	Выстраивать перспективные стратегии личностного и профессионального развития, самостоятельно учиться и непрерывно повышать квалификацию в течение всего периода профессиональной деятельности	Требования ФГОС (ОК-7) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P24	Осуществлять свободную коммуникацию на английском языке на бытовом и деловом уровне	Требования ФГОС (ОК-3) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)
P25	Владеть культурой речи, мышления, основами профессионального этикета	Требования ФГОС (ОК-2) Требования заинтересованных работодателей (Институт международного образования и языковой коммуникации ТПУ, Томский государственный университет)

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский политехнический университет» (ТПУ)

Институт _____ ИСГТ _____

Направление подготовки (специальность) _____ Зарубежное регионоведение _____

Кафедра _____ ИФНТ _____

УТВЕРЖДАЮ:

Зав. кафедрой

(Подпись) (Дата) (Ф.И.О.)

ЗАДАНИЕ

на выполнение выпускной квалификационной работы

В форме:

Бакалаврской работы (бакалаврской работы, дипломного проекта/работы, магистерской диссертации)

Студенту:

Группа	ФИО
11з21	Давыдовой Анастасии Вениаминовне

Тема работы:

Исторические и политические факторы, влияющие на формирование образа Японии в сознании китайцев	
Утверждена приказом директора (дата, номер)	

Срок сдачи студентом выполненной работы:	
--	--

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ;

Исходные данные к работе (наименование объекта исследования или проектирования; производительность или нагрузка; режим работы (непрерывный, периодический, циклический и т. д.); вид сырья или материал изделия; требования к продукту, изделию или процессу; особые требования к особенностям функционирования (эксплуатации) объекта или изделия в плане безопасности эксплуатации, влияния на	Объектом исследования является образ Японии и Японцев в сознании китайцев
---	--

окружающую среду, энергозатратам; экономический анализ и т. д.).	
Перечень подлежащих исследованию, проектированию и разработке вопросов <i>(аналитический обзор по литературным источникам с целью выяснения достижений мировой науки техники в рассматриваемой области; постановка задачи исследования, проектирования, конструирования; содержание процедуры исследования, проектирования, конструирования; обсуждение результатов выполненной работы; наименование дополнительных разделов, подлежащих разработке; заключение по работе).</i>	Были собраны исходные данные по формированию образа Японии и японцев в сознании китайцев, библиография и курсовые работы, выполненные на 2 и 3 курсах. Задание: 1. Разобрать теоретические представления по проблемам формирования общественных стереотипов 2. Проследить эволюцию представлений об Японии и японцах в сознании китайцев и причины появления и изменения этих представлений с течением времени. 3. Выявить основные этапы формирования образа Японии и японцев в массовом сознании китайцев и определить их особенности. 4. Выделить и охарактеризовать основные исторические события, повлекшие за собой серьезные изменения образа Японии и японцев в массовом сознании китайцев. 5. Выявить основные исторические и политические факторы, влияющие на образ Японии в сознании китайцев на современном этапе.
Названия разделов, которые должны быть написаны на русском и иностранном языках:	
Реферат (на русском и английском языках)	

Дата выдачи задания на выполнение выпускной квалификационной работы по линейному графику	
--	--

Задание выдал руководитель

Должность	ФИО	Ученая степень, звание	Подпись	Дата
Профессор кафедры ИФНТ	Сосковец Л.И.	Доктор исторических наук		

Задание принял к исполнению студент:

Группа	ФИО	Подпись	Дата
11з21	Давыдова А.В.		

РЕФЕРАТ

Выпускная квалификационная работа _____ 85 _____ с., _____ 0 _____ рис., _____ 0 _____ табл.,
_____ 74 _____ источника, _____ 0 _____ прил.

Ключевые слова: Китайско-японские отношения, общественное сознание, социальный стереотип, образ Японии, исторические факторы, взаимовосприятие, национальные стереотипы.

Объектом исследования является (ются) образ Японии и японцев, сложившийся в сознании китайцев.

Цель работы – охарактеризовать устоявшиеся представления о Японии и японцах в массовом сознании китайцев, причины их появления, лежащие в исторической и политической плоскостях и их влияние на современные общественно-политические отношения Китая и Японии.

В процессе исследования проводились поиск научной и публицистической литературы по проблеме, связанной с формированием национальных стереотипов, и о влиянии различных исторических событий на сложившийся в массовом сознании китайцев образ Японии, проводился анализ влияния, сложившегося в сознании китайцев, образа Японии на современные общественно-политические взаимоотношения Китая и Японии.

В результате исследования была выявлена роль исторических и политических факторов, влияющих на современный образ Японии, сложившийся в сознании китайцев, рассмотрены этапы формирования образа Японии в сознании китайцев, а также охарактеризованы основные черты исследуемого образа на каждом этапе его исторического развития и выявлены основные события, повлекшие за собой наиболее серьезные изменения в картине образа.

Область применения: использование в сфере образования для подготовки лекционного материала, при чтении курсов по истории Китая и современных международных отношений.

Экономическая эффективность/значимость работы помогает охарактеризовать политическую ситуацию в современном Китае, понять роль национального стереотипа в современных международных отношениях.

В будущем планируется разрабатывать данную тему, расширять область исследования, использовать в образовательных и научных целях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
1. Истоки формирования и первоначальный характер знаний и представлений китайцев о Японии и японцах с Древних времен	21
2. Изменение устоявшегося образа Японии и новая роль Китая в двусторонних отношениях (середина XIX в. - начало XXI в.)	36
3. Современные Политические факторы, влияющие на формирование стереотипа о Японии в сознании китайцев	67
Проблема исторической памяти	68
Проблема спорных территорий	75
4. Заключение	83
5. Список использованных источников и литературы:	86

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Северо-Восточная Азия - особый регион мира, за последние годы превратившийся в один из крупнейших центров международной торговли, финансовой деятельности и современного промышленного производства, прежде всего благодаря своим ключевым участникам - КНР и Японии. Отношения этих стран во многом определяют политический климат региона, какие-либо конфликты между ними способны нарушить стабильность во всем АТР¹.

Китай и Япония – две древнейшие очень тесно связанные цивилизации, географически Китай и Япония разделены Восточно-Китайским морем. Китай оказал очень большое влияние на развитие Японии. Письменность, архитектура, религия, философия, все эти аспекты общественной жизни Японии до сих пор несут в себе отпечаток китайского влияния.

В разные исторические периоды отношения между ними переживали подъемы и спады, экономические связи тесно сплетали рынки стран между собой. Но идеологические разногласия и преследование схожих целей раз за разом возводят между ними стену глухой неприязни. На современном этапе развития Китайско-японских отношений очень сложно сказать однозначно, что стало первопричиной взаимной неприязни, но в настоящее время политика КНР в отношении Японии определяется целым комплексом противоречий: - экономических, политических, идеологических, региональных и территориальных².

Складывающиеся на протяжении сравнительно длительного времени стереотипы восприятия («образы») других стран и народов, неся на себе определенную социальную нагрузку, в массовом сознании обладают значительной инерционностью и могут выступать в качестве достаточно устойчивого традиционного фактора. В настоящее время уже очевидна

¹ Волошина А. В. Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы / // Проблемы Дальнего Востока. - №3. – 2015. – С. 41-51.

² Университет МГИМО. – Новости. – Говорят эксперты МГИМО <http://mgimo.ru/about/news/experts/240246/> – Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений.

невозможность достоверного анализа состояния и перспектив межгосударственных отношений без учета сложного комплекса чувств и настроений во взаимоотношениях социумов, взаимопроникающих стереотипов и противоречивых представлений, складывающихся под влиянием исторических традиций, идеологической деятельности правящих кругов государств, классовых симпатий или антипатий представителей тех или иных слоев общества¹. Стоит отметить, что подобные образы косвенно влияют на формирование особого, специфического микроклимата во взаимоотношениях между отдельными народами. Примером такого рода влияния являются китайско-японские отношения.

Отношения между двумя странами характеризуются не только экономическими связями и политическими договоренностями. На них влияет еще и настроение народов двух стран, их отношение к партнеру. А отношение народа во многом определяет именно исторический опыт, накопленный за многие века сосуществования. Исторические стереотипы, возникшие в сознании народа, зачастую, не соответствуют действительности, однако, оказывают серьезное влияние на позицию общества относительно решений, принимаемых правящими кругами страны в отношении государства-партнера.

Как известно, китайская культурно-историческая традиция в прошлом оказала огромное воздействие на японское общество. В свою очередь Японии принадлежит особое место в исторических судьбах Китая, прежде всего в новое и новейшее время. Географическая близость двух стран, их культурно-расовая общность, а наряду с этим значительное различие исторических путей их развития за последние сто лет, наконец, особая агрессивность японского империализма, жертвой которого в первую очередь стал

¹ КатковаЗ.Д., ЧудодеевЮ.Д.. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.).–М.: ИВ РАН – КРАФТ+,2001. – 4 с.

Китай,предопределили и особое место Японии в китайском общественном сознании¹.

Актуальность данной работы определяется той важной ролью, которую на данный момент играют отношения между крупнейшими странами региона. Сложные взаимоотношения между Китаем и Японией является мощным дестабилизирующим фактором системы отношений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Региона, в который сейчас перемещается не только один из центров силы, но и регион, который характеризуется самыми высокими темпами развития во всем мире. Китай и Япония – вторая и третья экономики мира. Страны с огромной численностью и высокой плотностью населения. Япония – локомотив всего экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона, согласно концепции «стаи летящих гусей»². Китай – страна, удивляющая весь мир своими темпами развития, раз за разом достигающая поставленных целей в рекордно короткие сроки, и это при том, что коммунистическая система в большинстве стран мира ассоциируется с нищетой, разрухой и чередой неудачных социальных и политических экспериментов. Уникальные страны, идущие совершенно особым историческим путем. Две страны с гигантским потенциалом и обе в настоящее время претендуют на лидирующую роль в регионе.

Степень изученности темы. Специальных работ, полностью посвященных проблеме формирования образа Японии в сознании китайцев, не много, большая часть сведений по данной проблеме встречается в исследованиях, посвященных китайско-японским взаимоотношениям³. И в основном они проведены были зарубежными специалистами. В этой связи

¹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д.. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). — М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 4.

²Родионова И.А.. Мировая экономика. Учебное пособие. - Спб.: Изд: Питер., 2005. - С. 57.

³Семин А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX - начало XXI века). - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. – С. 282.

должны быть упомянуты работы Мин Вань¹, посвященная эволюции и логике японо-китайских отношений, и Николас Сванстон, характеризующая систему китайско-японских отношений на современном этапе. Но в ней приводится анализ китайско-японских отношений через призму исторического прошлого, которое, как известно, самым непосредственным образом сказывается на взаимном образе стран². В труде Махаэль Яхунда³, анализируются китайско-японские отношения после «холодной войны», в нем прекрасно освещены роли лидеров обеих стран в формировании межгосударственных отношений, а также, процесс складывания новой государственной идеологии и реабилитации национального самосознания после пережитых исторических травм. Стоит отметить и работу Джун Тэуфел Дрейер⁴, в которой китайско-японские отношения рассматриваются через призму их истории.

Однако, работ рассматривающих всю систему китайско-японских отношений, тоже очень немного. Чаще всего монографии касаются только одного исторического периода или события, и освещают позицию только одной страны, как, например, работы Такусиро Хаттори, посвященная роли Японии в войне 1941-1945 гг.⁵, Н.Г. Нозикова, рассказывающая о японо-китайской войне 1894-1895 гг.⁶, Петр Олендер⁷, которая по большей части сосредоточена на рассмотрении морских сражений войны 1894 – 1895 гг..

Проблема формирования устойчивых стереотипов китайско-японского взаимовосприятия в российском востоковедении была впервые предпринята в 1995 году, когда в свет вышла совместная работа З.Д. Катковой и Ю.В. Чудодеева «Китай Япония: любовь или ненависть». Авторы поэтапно раскрывают основные черты и вехи в эволюции формирования стереотипов

¹Wan Ming. Sino-Japanese Relations Interaction, Logic, and Transformation.— Washington: Woodrow Wilson Center Presss., 2006. - P.498.

²Niklas Swanström. Sino-Japanese Relations. Rivals or Partners in Regional Cooperation?. - World Scientific Publishing Company. – 2012. – P 240.

³Michael Yahuda. Sino-Japanese Relations after the Cold War: Two Tigers Sharing a Mountain. - Routledge. – 2013. – P.160

⁴June Teufel Dreyer. Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present. - Oxford University Press. – P.472

⁵Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941-1945 гг. - http://www.e-reading.club/bookreader.php/139065/Hattori_-_Yaponiya_v_войне_1941-1945_gg.html

⁶Нозиков Н.Г. Японо-китайская война 1894–1895 гг. - М.: Воениздат НКО СССР. - 1939. — 104 с.

⁷Piotr Olender. Sino-Japanese Naval War 1894-1895. – MMP Books. – 2014. – P. 180.

китайско-японского взаимовосприятия. В работе представлен развернутый анализ исторических причин зарождения и изменения стереотипов в массовом сознании народов двух стран¹.

Однако невозможно рассмотреть только лишь образы стран в сознании народов государств-партнеров, необходимо обратиться так же и к историческим факторам их формирования, и к политическим причинам их появления. Стереотипы не существуют отдельно от сознания народа и политического пространства в котором это сознание существует. Политическим пространством в данном случае являются китайско-японские взаимоотношения.

Национальные стереотипы наиболее системно рассматривает такая наука как политическая психология. Представители этой науки рассматривают механизмы политического поведения человека, а стереотипы оказывают серьезное влияние на мнение человека, и в итоге на логику его поведения. При написании ВКР были использованы публикации известных специалистов данной области: Д.В. Ольшанского² и Е.В. Шестопаля³. Работы этих ученых помогают сформировать представление о механизмах функционирования общественного сознания, а также о способах влияния на него.

Различные аспекты отношений между Китаем и Японией освещаются в современной литературе такими авторами как: Сергей Лузянин – профессор МГИМО доктор исторических наук⁴, Дмитрий Стрельцов – профессор МГИМО доктор исторических наук⁵ и многими другими представителями российской востоковедческой среды. Статьи и очерки этих ученых отличаются высокой скоростью реакции на изменения современной политической ситуации. А историческая подоплека взаимоотношений

¹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д.. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 377.

² Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 496.

³ Шестопаля Е.В. Политическая психология. – М.: Аспект Пресс, 2007

⁴ Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений // <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240246.phtml/>

⁵ Стрельцов Д.В. Япония в поисках новой глобальной роли. – М.: Изд: Наука – Восточная литература, 2014.

освещается в трудах многих историков, как, например: Н.И. Конрада¹, В.В. Малявина², Ю.Д. Кузнецова³, А.В. Меликсетова⁴, Л.С. Васильева⁵ и многих других.

Так же стоит отметить периодические научные издания, реагирующие на изменения международной ситуации гораздо острее и быстрее, чем отдельные авторы: «Проблемы Дальнего Востока» – научный журнал Института Дальнего Востока Российской академии наук. «Азия и Африка сегодня» – ежемесячный научный журнал. Журнал «Китай» выпускается издательством «Жэньминь Хуабао» под руководством Китайского международного объединения издательств. И многие другие издания.

В западной литературе можно выделить следующие работы - перевод китайской документации по Нанкинской резне, эпизоду оказавшему существенное влияние на изменение образа японцев в массовом сознании китайцев, выполненный доктором исторических наук Робертом Греем⁶, работа Шелдона Харриса, касающаяся японских исследовательских групп, разрабатывавшая биологическое оружие, действовавшая на оккупированной китайской территории⁷, монография Ван Дженпин, посвященная отношениям между Китаем и Японией в периоды Хань и Тан⁸, и много работ об отношениях Японии и Китая на современном этапе, выполненные как отдельными авторами, например: Михаэль Хизл⁹, Дзин Сунь¹⁰.

¹ Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. – М.: Изд: Наука, 1977.

² Малявин В.В. Китайская цивилизация. – Изд: АСТ, 2001.

³ Кузнецов Ю.Д. История Японии. – Изд: Книга по требованию, 2012.

⁴ Меликсетов А.В. История Китая. – М.: Изд: МГУ, Оникс, 2014.

⁵ Васильев Л.С. Древний Китай. Учебное пособие. – Изд: Университетская книга, 2015.

⁶ Japanese Imperialism and the Massacre in Nanjing. An English translation of a classified Chinese document on the Nanjing Massacre. // <http://museums.cnd.org/njmassacre/njm-tran/index.html/>

⁷ Sheldon H. Harris. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932-45 and the American Cover-Up. Routledge, 2002.

⁸ Wang Zhenping. Ambassadors from the Island of Immortals: China-Japan Relations in the Han-Tang Period. - University of Hawaii Press, 2005.

⁹ Michael Heazle. China-Japan Relations in the Twenty-first Century: Creating a Future Past? - Edward Elgar Pub, 2007.

¹⁰ Jing Sun Japan and China as Charm Rivals: Soft Power in Regional Diplomacy. - University of Michigan Press, 2012.

Наиболее полезными для нас в итоге оказались уже упоминавшийся труды Ю.В. Чудодеева и З. Д. Катковой ¹, а также монография М.И. Сладковского ², в которой проводится поэтапное сравнение двух стран в течении их исторического развития, что позволило, на основании фундаментальных исследований этих авторов, сделать выводы о значимости отдельных исторических событий и периодов для формирования целостного образа Японии в сознании китайцев.

Основной **целью** представленной бакалаврской работы является характеристика устоявшихся представлений об Японии и японцах в массовом сознании китайцев, причины их появления, лежащие в исторической и политической плоскостях, и их влияние на современные общественно-политические отношения Китая и Японии.

В соответствии с поставленной целью основными **задачами** данной работы являются:

- 1) Разобрать теоретические представления о социальных стереотипах, и их значимости в современных международных политических взаимоотношениях.
- 2) Выявить основные этапы формирования образа Японии и японцев в массовом сознании китайцев и определить их особенности.
- 3) Выделить и охарактеризовать основные исторические события, повлекшие за собой серьезные изменения образа Японии и японцев в массовом сознании китайцев.
- 4) Обозначить основные исторические и политические факторы, влияющие на образ Японии в сознании китайцев на современном этапе.

Объект исследования – образ Японии и японцев, сложившийся в сознании китайцев.

¹Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – З.Д. Каткова, Ю.Д.Чудодеев. – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 377.

²Сладковский М.И. Китай и Япония. – М.: Изд:Наука. 1971.

Предмет исследования – исторические и политические факторы, оказавшие влияние на складывание устойчивого образа Японии в сознании китайцев.

При написании работы были использованы следующие методы: сравнительный, использовался для сравнения образа Японии в разные исторические периоды, на основании полученных данных о сходстве и различиях были сделаны выводы о значимости определенных исторических событий для формирования образа Японии в сознании китайцев. Системный, позволивший рассмотреть образ Японии как часть системы международных отношений между Китаем и Японией, системный метод помог также проанализировать целостный образ Японии и разложить его на «составные части», что в свою очередь упростило поиск причин формирования основных черт образа. Историко-генетический метод помог проследить формирование основных черт образа с течением времени и найти причины их первоначального появления. Хронологический, позволивший кратко описать важные исторические вехи на пути оформления законченного образа Японии в сознании китайцев. А также проблемно-хронологический метод, позволивший выявить, каким в каждый конкретный исторический период был образ Японии, существующий в сознании китайцев, и какие исторические события оказывали на него влияние.

Тема данной работы находится на стыке нескольких наук: истории, политологии и политической психологии. Исходя из междисциплинарного характера данной работы, для ее написания, наряду с традиционными методами истории и политологии, были использованы специфические методы политической психологии. Методология и методы политической психологии определяются ориентацией исследователей на теории среднего уровня и данные эмпирических исследований¹. Нередко политическая психология заимствует конкретные объяснительные модели поведения и

¹Крысько В. Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия». - 2002. – С. 13.

сознания индивида и группы в социологии и психологии, а политического процесса и институтов — в политологии. Для написания этой работы была использована теория политических и националистических стереотипов, в российской научной среде над ней работают Д.В. Ольшанский, Е.В. Шестопад и В. Г. Крысько.

Под традиционно закрепившимся в общественных науках понятием «национальный (этнический) стереотип» обычно понимается схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощенное знание о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе. Национальные стереотипы — особый вид стереотипов социальных. Последние представляют собой стандартизированные, устойчивые, ценностно окрашенные и эмоционально заряженные представления об окружающей действительности и других людях, которые формируются под влиянием определенных условий общественной жизни и деятельности или под воздействием других людей и которые распространяются посредством культуры и языка в конкретных социальных группах. Возникают стереотипы в силу действия по меньшей мере двух тенденций человеческой психики. Во-первых, это конкретизация — стремление к пояснению абстрактных, трудно усваиваемых понятий через какие-то реальные образы, доступные и вразумительные для индивида и всех членов данной группы. Во-вторых, это упрощение, суть которого сводится к выделению одного или нескольких простых признаков в качестве основополагающих для раскрытия сложных явлений. Стереотип во многих случаях — примитивное суждение¹.

Социальные стереотипы закрепляются в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования сознания людей на тех или иных явлениях и событиях, многократного их восприятия и запечатления в

¹ Д.В. Ольшанский. Основы политической психологии. - Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 49.

памяти. Стереотипы функционируют на основе спонтанного восприятия по принципу: «Нам говорят об окружающем мире до того, как мы его увидим и оценим». Многие из них возникают стихийно, что обусловлено потребностью в экономии внимания в процессе усвоения опыта других людей и предшествующих поколений, который закреплен в виде привычных представлений. Социальные стереотипы зачастую охватывают не существенные, а наиболее броские, яркие черты явления или события. Оценка их, соответствующая стереотипу, в большинстве случаев принимается без доказательств и считается наиболее правильной, а всякая другая подвергается сомнению.

Социальные стереотипы: оказывают непосредственное влияние на поведение и деятельность людей и получение ими нового опыта, возникают чаще всего стихийно, служат защите сложившихся традиций и представлений, несут в себе оценочный элемент в виде эмоционального отношения к объекту, но в то же время однозначны, экономят мышление и суммируют исторический опыт, не отражают действительность, предельно устойчивы, но в то же время и изменяемы, не могут быть абсолютно истинными, но могут основываться на близких к действительности представлениях, иногда могут быть абсолютно ложными, становятся более отчетливыми и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами. Социальный стереотип выступает формой наиболее концентрированного проявления социальной установки¹.

Установки и стереотипы массового сознания играют значительную роль в формировании образа мира как отдельного человека, так и больших социальных и культурных общностей².

Поставленные цель и задачи определили структуру представленного исследования. В первой главе будут рассмотрены истоки формирования образа Японии в сознании китайцев, вторая глава посвящена рассмотрению

1 Крысько В. Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия». - 2002. – С. 133.

2 Евгеньева Т.В. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. - ПОЛИС Политические исследования. – 2013. - № 6. – С. 175-180.

образа, сложившегося во время господства китайского влияния на Японию, третья глава охарактеризует кризисный период слома сформировавшегося образа и появлению нового, соответствующего изменению статуса Японии после японо-китайской войны 1894 – 1895 гг.. В четвертой главе будут обозначены истоки основных черт современного образа Японии, оформившиеся в ходе значительных изменений в политической сфере всего мира. В пятой главе будет предпринята попытка проанализировать какие из современных политических событий оказывают наибольшее влияние на существующий образ Японии в сознании китайцев.

1. Истоки формирования и первоначальный характер знаний и представлений китайцев о Японии и японцах с Древних времен

История китайско-японских взаимоотношений длительна, она насчитывает более двух тысяч лет. За это время обе нации успели накопить колоссальный багаж взаимных претензий и недопонимания, все они осели в исторической памяти народов двух стран. Каждое наложило свой отпечаток на мнение одной нации о другой, и с течением времени это наслоение только увеличивалось, давая в итоге законченный образ, черты которого, не смотря на поразительную стойкость, все же менялись с течением времени. В рамках этой работы будут кратко рассмотрены основные вехи китайско-японских взаимоотношений и выделены основные переломные моменты, оказавшие наиболее серьезное влияние на казалось бы незыблемые черты образа Японии, сложившегося в сознании китайцев.

Первые упоминания об Японии встречаются в китайской историографии в древнекитайском памятнике «Шань хай цзин» - «Каталоге гор и морей» и «Цянь Хань шу» «Истории Ранней династии Хань» (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.). В последнем источнике, в частности, говорится, что «в море радостных волн живут люди во, которые объединены в более, чем 100 княжеств. Они ежегодно приезжают к нам и приносят нам дань». В истории этой династии содержатся первые упоминания о Японии. Причем эти упоминания относятся к Японии I века до нашей эры.

Некоторые сведения содержатся также и в Хоу-Хань-шу, т.е. в истории Второй Ханьской династии (25-220г.). Эти сведения относятся к Японии I-II в. н.э.¹ В хрониках говорится, что в период династии Хань тридцать государств установили отношения с Китаем, среди них «правитель великих карликов», то есть Японии.

Ранний период развития Китайско-японских отношений характеризуется влиянием более развитого на тот момент Китая на менее

¹ История династии поздняя Хань // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/III/Fan_E/text3.htm/

развитую Японию. Благодаря этому влиянию, которое, однако, распространялось преимущественно на культуру Японии, Китай воспринимал Японию как вассальную страну, на которую не распространялись его территориальные и военные притязания. Об этом говорит эпизод, упоминаемый в Хоу Хань Шу из Японии приезжают послы к Ханьскому двору¹. Одно из таких посольств, относимое Ханьской хроникой к 57 г. имеет особое значение. Хроника рассказывает, что это было посольство из "страны Идо", и что Ханьский император ГуанУ-ди (25—58 гг.) пожаловал царю этой страны золотую печать с надписью: «Хань — царю страны Идо». Так же об этом говорят и другие свидетельства древних письменных китайских памятников, например, тот факт, что китайский император претендовал на получение даров от страны Ямато. В это время Япония не представляла для Китая серьезного интереса и до VII в. для отношений между двумя странами были характерны лишь краткосрочные нерегулярные связи и встречи с Японскими вождями. К началу VII в. были установлены первые официальные отношения. Китайский флот совершил экспедиции на острова Тайвань и Рюкю, впоследствии с островами были установлены посольские отношения².

В «Вэйчжи» - «Описание царства Вэй», часть памятника «Сань гочжи» — «Описание трех царств», (III в. н. э.) уже сообщались подробные сведения о «стране Яматай», которую японские историки отождествляют с районом обитания древнего племени ямато. В хронике содержатся некоторые указания на государственный и социальный строй, существовавший тогда в Японии, о прибытии послов от царицы Ямато³. Н. И. Конрад считает, что подобного рода сведения заставляют предполагать какие-то политические взаимоотношения Японии с царством Вэй: эти посольства, возможно,

¹ История династии поздняя Хань // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/III/Fan_E/text3.htm/

² Васильев Л.С. Древний Китай. Учебное пособие. - Изд: Университетская книга, 2015. С. 167.

³ Конрад Н.И. Избранные труды. История. - М.:Наука, - 1974. – С 18.

направлялись главами больших родов или местных родовых союзов с целью получить от Вэй поддержку в борьбе с соседями и в завоевательных походах¹.

Далее идет Сун-шу – история Сунского царства, которое существовало в Китае в V веке. "История царства Сун" содержит упоминание о Японии тоже V в.². В ней перечисляются многочисленные походы, которые совершались царством Ямато, и говорится о покорении многих стран³. Таким образом, китайские источники дают сведения о Японии, начиная с I века до н.э.⁴.

В первые века новой эры (до создания централизованного государства) Япония отставала от Китая в хозяйственном, политическом и культурном отношениях. Она позже Китая вступила в эпоху государственности и социального развития. Ко времени распада родового строя и формирования японской государственности (III—VII вв. н. э.) в Китае, на протяжении многих веков уже существовала сильная государственная власть, основывающаяся на прочном фундаменте конфуцианско-легистских доктрин.

В китайской историографии вплоть до настоящего времени широко распространено мнение о доминирующем влиянии китайской культуры на материальную и духовную жизнь японского народа при переходе от варварства к цивилизации⁵.

Именно из Китая в Японию через Корею пришла культура шелководства, способы плавки меди и бронзы, благодаря китайскому влиянию повышался уровень развития японского земледелия.

Япония с самого начала, за счет своего географического положения, попала в ареал китайского культурного влияния. Однако, специфика этого влияния состояла в том, что Китай не старался насильственно насаждать свои

¹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С.26.

² История династии Сун // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VI/Sun_shu/text1.htm/

³ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – 7 с.

⁴ Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. - М.: Изд: Наука. - 1977. - С. 75.

⁵ ЧжунЖи. Сборник по истории китайско-японских отношений. - Шеньян. 1982. – С. 190.

стереотипы и ценности Японии. Ханьские императоры, например, претендовали на принятие даров от «народа во» (японцев), усматривая в этом выражение зависимости от Китая, но не строили каких-нибудь планов военной экспансии на Японские острова. В тот период Япония не представляла большого интереса для китайских правителей.

Китайское влияние на Японию отличалось не только не насильственным характером воздействия, но также непрерывностью. Тому существует несколько причин: несмотря на эпизодичность дипломатических связей между Китаем и Японией на раннем этапе, в Японии сформировался слой китайцев-переселенцев, прибывших из Кореи или непосредственно из Китая, эти переселенцы являлись носителями не только ремесел более высокого уровня, но также более развитой идеологии, базирующейся на сплаве конфуцианского учения и буддизма. Такие переселенцы зачастую входили в окружение японской родоплеменной аристократии, проецируя на правящий класс древней Японии китайские культурные достижения и ценности. Следующей важной причиной послужило заимствование китайской иероглифической письменности. Этим заимствованием Япония привязала себя к китайскому литературному наследию¹.

Эпохи династий Суй и, особенно, Тан (конец VI—IX вв.) без преувеличения можно считать временем наибольшего культурно-политического воздействия Китая на японский социум за всю историю китайско-японских отношений. Этот же период отмечен и интенсивными экономическими контактами между двумя странами².

Еще в 607 г. принц Сётоку-тайси сделал очень важный для укрепления позиций царствующего дома Ямато политический ход. Он вступил в прямые политические отношения с суйским двором, направив первое официальное посольство к императору Ян-ди. Послу в Китай было вручено специальное послание японского принца, начинающееся словами: «Сын Неба (Тэнси)

¹Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). –М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 13.

² Fairbank J.K. East Asia. Tradition and transformation. - .London. – 1973. – P. 47.

Страны восходящего солнца шлет письмо Сыну Неба Страны заходящего солнца. Будь здоров». Как свидетельствуют китайские хроники, Ян-ди будто бы был недоволен равным титулованием могущественного императора Китая и правителя «варварской» Японии. Тем не менее в следующем, 608 г. было снаряжено ответное посольство, которое с великими почестями было принято Сётоку-тайси. При возвращении суйского посла в Китай с ним снова был направлен японский представитель. Послание, которое он вез суйскому императору, на этот раз начиналось словами: «Небесный Государь Востока почтительно обращается к небесному Государю Запада». Характерно, что тем самым вновь было подчеркнуто равенство титулов правителей двух стран.

Во время правления династии Тан внешняя политика Китая претерпела существенные изменения. Устанавливались активные торговые и дипломатические отношения со многими государствами, среди которых помимо Японии были Индия и Камбоджа. Внешняя политика этого периода характеризовалась усилением захватнической активности Китая. Были налажены отношения с Тибетом, территории Пэкче и Когуре стали военными губернаторствами и были включены в состав Китая, по итогам битвы на реке Пэккан, произошедшей в 663 году¹.

Танский Китай оказал наибольшее влияние на Японию за все время сосуществования этих стран. Китайская политическая система того времени и ее идеологические принципы, как отмечают исследователи, была хорошо приспособлена для функционирования в условиях централизованной деспотии. Что весьма активно воспринималось сопредельными странами.

VIII в. для Японии ознаменовался расцветом культуры. В особенности поэзии, появлением первых исторических хроник и ускоренной китаизацией японского общества. Продолжался процесс централизация власти, упорядочивалась политико-экономическая система страны. В 701 г. был

¹Исторические записи трех государств. Книга двадцать восьмая. Летописи Пэкче.// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_II/frameset28.htm/

создан первый монументальный японский Кодекс законов Тайхо¹, на котором базировалась государственная система. Кодекс хотя и был написан по китайскому образцу, содержал в себе много японских нововведений, помимо законодательной системы японцы также переняли у Китая монетарную систему. Столицей Японии стал город Хэйдзё².

Во время династий Суй и Тан Япония отправляла своих ученых в императорские посольства в Китае. Происходили чрезвычайно активные культурные обмены, так например японское кимоно очень сильно напоминает китайскую одежду времен династии Тан. Так же в Японию того времени активно проникают китайские архитектурные традиции, японская столица Киото, как и китайская была спроектирована по правилам Фэн-шуй. Через корейское государство в Японию из Китая проникает буддизм, и становится господствующей религией, наравне с синтоизмом. Япония заимствовала у Китая бюрократию, городское планирование, модель государственного устройства и многие культурные традиции³.

В процессе исторической эволюции в этом периоде наметились две противоречивые тенденции, действующие, условно говоря, в направлениях взаимного притягивания и одновременного отталкивания. С одной стороны, мощное влияние китайской цивилизации на Японию создали стереотип общности двух народов, который, наряду с факторами и географической близости и принадлежности к одной расе, имел достаточно прочную основу, благодаря формированию представления об особых отношениях и общей судьбе двух стран. Параллельно со стереотипом общности существовали иные представления. Так, в восприятии китайской феодальной элиты эта общность была иерархической, при которой доминирующая, главенствующая роль принадлежала Китаю. Не трудно понять, что такое

¹ Свод законов "Тайхо Рицурё". 702-718 гг. Рицү (Уголовный кодекс).

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Tajhore_III/text1.phtml?id=11351

² Скларов А.Ю. Страна восходящего солнца. Загадки древней истории. – Изд: Вече, 2014.

³ Алаев Л.Б., Ашрафян К.З. История Востока. Том 2. Восток в средние века. – Изд: Восточная литература, 2009.

отношение было одним из источников зарождения чувства превосходства и высокомерия в отношениях Китая с Японией¹.

Такой стала основа для формирования будущего стереотипа о Японии. Изначально Япония в китайских хрониках именовалась как во – что означало карлик лилипут (прилагательное – безобразный, уродливый) такое название по отношению к Японии сохранялось вплоть до падения династии Тан.

Стереотип формировался в тот период под влиянием китаеццентрической концепции «Китай – варвары». Согласно этой концепции Япония относилась к внешнему миру и соответственно к варварам, а им традиционно приписывали только отрицательные, «темные» начала². Политическая элита того времени воспринимала Японию именно в духе этой концепции, как агрессивную, низкую, жадную, неустроенную нацию, практически антипод упорядоченного конфуцианского Китая. На которую Небесный Государь великодушно распространяет свое влияние, и которые в свою очередь обязаны были платить дань. Подобное восприятие рождало в сознании политической элиты того времени прежде всего чувство превосходства. И это чувство всячески демонстрируется именно на высшем уровне власти. Китай достаточно последовательно пытался навязать Японии хотя и чисто номинальный, но вассалитет. Это выражалось в письмах правителей, в правилах приема Японских послов, в том, что Япония обязана была платить дань Китаю³. Доказательством такого отношения может служить исторически задокументированное существование множества достаточно унижительных церемоний при приеме послов в Китае, как например необходимость кланяться табличке с именем императора. Несколько раз предпринимались попытки «пожаловать» японскому правителю право на управление Японией, с целью подчеркнуть зависимое

¹ КатковаЗ.Д., ЧудодеевЮ.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.).– М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 4.

² Кроль Ю. В. О концепции «Китай — варвары». — сб. «Китай: общество и государство». М., 1973.

³ Ван Юньшен. Китай и Япония за 60 лет 1871-1931. Т.1 Пекин 1980.

положение Японии. Японским правителям диктовались указы, которые они должны были «выполнить с благоволением без промедления и эффективно»¹.

Подобное отношение к Японии формировалось под воздействием не только традиционных представлений о Китае как источнике всего самого лучшего и совершенного в мире, как центре Вселенной, откуда распространяется «благодать» на все остальные страны и народы, но и в известной мере определялось ложным ощущением «долга» Японии перед Китаем за заимствованные атрибуты китайской цивилизации. Способность японцев выбирать элементы китайской культуры и модифицировать их в соответствии со своими собственными условиями, традициями и национальными особенностями рассматривалась только как доказательство их неудачи моделировать себя более совершенно по образцу Поднебесной. Пренебрежительное отношение, а в лучшем случае — величественное снисхождение к японцам, подкрепляемое представлением о собственной этнокультурной исключительности, нашло отражение и в китайских названиях жителей японских островов — «карликовый чёрт» (сяо гуйцзы), «маленький чёрт из-за восточного моря» (дунян сяо гуйцзы) и других (чаще всего на уровне массового сознания)².

В последние годы правления Танской династии и наступивший затем период политической неустойчивости при Сунах официальные отношения между Китаем и Японией почти полностью прекратились. Во второй половине XIII в. монгольский хан Хубилай, осуществлявший завоевание Китая, первый император династии Юань, правил в 1280—1295 гг. дважды предпринимал неудачные попытки вторгнуться на Японские острова³.

К концу VIII века в Китае происходит ослабление центральной власти, о чем свидетельствует серия мятежей и военных поражений⁴. Вследствие восстания Ань Лушаня 756-761 гг., произошло усиление провинциальных

¹Сладковский М.И. Китай и Япония. - М.: Изд: Наука. 1971. С. 159.

² КатковаЗ.Д., ЧудодеевЮ.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.).–М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 26.

³Сладковский М.И. Китай и Япония. – М.: Изд: Наука. 1971.

⁴Russel J. Cohn R. Тан (династия). – Изд: VSD, 2012

военных губернаторов. Затем наводнение 858 г. так же пошатнуло веру китайского народа в правящую династию. Вспыхивали стихийные восстания среди которых и восстание Хуан Чао 874-884 гг.. Танская династия постепенно разлагалась. Коррупционированность и слабость императорского двора стала причиной постоянных противостояний с провинциальными губернаторами. А с 907 по 960 гг. наступил период децентрализации и междоусобных войн¹. Эпоха пяти династий и десяти царств - эпоха переворотов, власти военных и политической раздробленности, за это время было образовано более 12 самостоятельных царств, хотя традиционная китайская историография и признает лишь 10.

В конце VIII века Япония начала терять интерес к материковому миру, к минимуму сводятся контакты с Китаем. И к середине IX в. Япония начала проводить политику изоляции. Подданным было запрещено выезжать в другие страны, прием иностранных судов был ограничен².

Дальнейшее развитие Японии характеризовалось проведением политики изоляции, хотя и не полной, бурным развитием сельского хозяйства, сменой раннефеодального общества развитым, усилением роли военного сословия. В целом земледельческая направленность всей экономики и вызвала и запрет на убийство всего живого и способствовали усилению роли военных. Исчезновение внешней угрозы, отражением чего является отмена всеобщей воинской повинности, перенесение столицы в совершенно неукрепленный город Нара, повлекло за собой то, что японское общество сформировало многослойную, многополюсную структуру, отвечая нуждам внутривнутриполитической жизни Японии, воедино сливаются традиционные и заимствованные элементы политической и общественной жизни³.

¹Адамчик В.В., Адамчик М.В. История Китая. – Минск. Изд: Харвест. - 2005. – С. 168.

²Алаев Л.Б., Ашрафян К.З. История Востока. Том 2. Восток в средние века. – Изд: Восточная литература. - 2009. - С. 243.

³Пасков С.С. - Япония в раннее средневековье VII-XII века. Исторические очерки. – М.: Изд: Либроком, 2014. – С. 39.

Китай был объединен лишь в 960 г., когда к власти пришла новая империя – Сун (960-1279 гг.). Этот период считается расцветом в сфере экономики, культуры, администрации, чего, увы, не скажешь о внешней политике. Начиная с середины X века, на северо-восточных границах империи начался процесс бурного развития и консолидации этнической общности киданей. Кидани в последствии захватили часть северного Китая и Китай даже платил им дань начиная с 1004 г. Однако столь кардинальное отличие во внешнеполитической стратегии от Танского периода, принесло свои результаты. Сунское правительство развивало собственную армию, численность которой к середине XI в. достигала полутора миллионов, но правители также учли и ошибки прошлого, сознательно ослабляя власть военачальников. Что привело к ослаблению воинского сословия, территориальные и экономические уступки северным племенам обеспечили спокойствие сунской династии. В этот период активно шел процесс урбанизации, развивались ремесла, культура. Но аграрный сектор во второй половине существования империи оказался на грани кризиса, из-за чего в Китае поднялась волна восстаний XI-XII вв., однако кризисной ситуации удалось избежать при помощи проведения реформ. И хотя в культурной и экономической сфере Китая оставался благополучным государством, в политической сфере империя Сун находилась на грани выживания, в следствии проведения слабой внешней политики и социальной нестабильности¹.

Япония в это время переживала не только период рассвета экономики, начиная с середины XI японские ремесленники отправляются в Китай для изучения производства, так, например, в 1223 г. Като Кагэмаса привез из сунского Китая технологию производства фарфора и наладил его изготовление в Японии². Однако ввоз китайских товаров, наносил ущерб экономике Японии и в 1254 г. был ограничен заход сунских судов в Японские

1 Уваров П.Ю. Всемирная история. Том 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. - М.: Изд: Наука, 2012 С. 322-337.

² Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б. История Японии. -М.: Изд: Высшая школа. 1998. С: 89-119.

порты. Императорский двор Японии в X-XII вв. не только пассивно относился к развитию внешних торговых связей, но и временами запрещал выезд за границу. Хотя сунские правители и хотели, чтобы японцы уплачивали им дань, но активно не настаивали, послания с такими требованиями отправлялись не с официальными миссиями, а с частными торговцами, на эти послания японцы часто вообще не отвечали¹.

Следует отметить, что влияние китайской культуры на японское общество с самого начала не было равнозначно политическому влиянию Китая на Японию и отнюдь не предопределило гармоничный характер их взаимоотношений, особенно в период после падения династии Сун. Вопреки амбициям китайского императорского двора Япония никогда не была вассалом Китая, непоколебимо сохраняя свой суверенитет. С самого начала обоюдных контактов обе стороны не имели никаких взаимных обязательств².

Японские правители фактически никогда не признавали верховенства китайских императоров, более того, неоднократно стремились подчеркнуть свое равенство с ними. В эпоху Тан, в период активного заимствования достижений китайской культуры и китайских политических институтов, японские императоры вообще уклонялись от посылки официальных посланий к танскому двору, так как обращаться «снизу вверх» они не желали, а обращение «на равных» могло вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая. В то же время японские послы, посещавшие Китай, под разными предлогами отказывались брать для передачи своим монархам эдикты танских императоров, в которых, как правило, содержалась идея верховенства над Японией.

В начале XIII в. в Китай вторглись монгольские племена, навывшиеся китайцами татары. Монголы захватили Пекин в 1215г., а в период с 1250х гг. завоевали государства на границе с Сунской империей, и к 1280 г. был завоеван весь Китай, династия Сун пала. Была образована династия Юань.

¹Jansen M.B., Hall J.W. The Cambridge history of Japan. Vol 3.MedievalJapan.–Cambridge University Press.- 2008. - С. 68-79.

²Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. – в сб.: "Китай и соседи в древности и средневековье". - М., 1970. С. 32.

Китай в это время был суверенным государством, но при этом неотъемлемой частью монгольской империи¹. Монголы, завоевавшие великого соседа огнем и мечом, обрели тяжелое наследство. Бывшая Срединная империя, и особенно ее северная часть, переживала глубокий упадок, вызванный губительными последствиями нашествия кочевников. Само развитие некогда процветавшего Китая было повернуто вспять. Экономика страны пришла в упадок. Запустили поля и обезлюдели города. Широкое распространение получил рабский труд. Правители династии Юань — преемники Хубилая — были вынуждены со временем пойти на сотрудничество с господствующим классом Китая и заполнить учреждения чиновниками из ханьцев.

Хубилай, продолжая войны с южными китайцами, бросил свои силы на восток. В 1274 г., а затем в 1281 г. он снарядил военно-морские экспедиции для покорения Японии. Но корабли его флотилии погибли от бури, так и не достигнув японских островов².

Начиная с X в. Японии нарастало влияние сильных домов, японские императоры, фактически, становятся марионетками в руках высших должностных лиц дома Фудзивара. Апогеем могущества Фудзивара считается XI в.. Период Хэйан начавшийся в Японии с 794 г. отличается тем что в этот период происходит реформирование, направленное на обновление «правового государства», к власти приходит дом Фудзивара, фактически занимая все ключевые посты в правительстве. В этот период происходит формирование самурайского сословия и региональной знати,

А уже с начала XI в. усилились еще два дома – Тайра и Минамото. В Японии начался период внутренней политической дестабилизации. Борьба между сильными домами способствовала усилению роли самурайского сословия, этот период характеризуется так же бурным рассветом культуры, в особенности литературы³.

¹ Васильев Л., Лапина З. История Китая. -М.: Изд: МГУ, Оникс. - 2014. – С. 83.

² Васильев Л., Лапина З. История Китая. –М.: Изд: МГУ, Оникс. -2014. – С. 91.

³ Jansen M.B., Hall J.W. The Cambridge history of Japan. Vol 3.Medieval Japan.– Cambridge University Press. - 2008. - С.115-120.

В результате борьбы между тремя сильными домами победителем вышел род Тайра, одержав победу над Фудзивара, начался период Камакура. Период междоусобных войн и диктатуры самурайского сословия, Официальной религией сёгуната стал дзэн. Дзэнские монастыри, объединённые в систему годзан, развивали на китайской основе собственную высокую культуру годзанбунка, из которой хорошо известна литература годзанбунгаку.

В это время произошли монгольские вторжения в Японию, и сравнительно лёгкая победа над врагом, обеспеченная тайфунами, повлияла на оформление национального самосознания.

В результате ожесточенной борьбы монголы к 1368 г. были изгнаны с территории Китая, начался период расцвета и бурного развития Китая, сложилась классическая конфуцианская китайская империя.

Япония после прекращения междоусобных войн и объединения центральной власти под началом Асикага Ёсимицу. Страна начинает проводить активную торговую политику, в особенности, с китайской династией Мин и корейской Чосон. Торговля осуществлялась исключительно на уровне государств из-за политики китаецентризма и запрета частной международной торговли китайской династией Мин. Во время торговли использовались изданные китайцами официальные документы, свидетельствующие о государственном статусе японской делегации, что позволяло торговать ей с Китаем¹.

При Минах попытки китайских феодалов, не считаясь с возросшей силой японского государства, по-прежнему рассматривать Японию как своего «вассала» и при помощи разного рода дипломатических ухищрений или прямых угроз навязать ей верховную власть китайского императора, встретили решительный отпор. Минские правители, используя различные средства, неоднократно пытались подчеркнуть зависимость Японии от Китая. Отношения между двумя странами при Минах серьезно обострились в связи

¹Сладовский М.И. Китай и Япония. –М.: Изд: Наука. -1971. -С. 142.

с начавшимися во второй половине XIV в. и продолжавшимися вплоть до конца XVI в. набегами так называемых японских пиратов вако на побережье Китая и Кореи.

Уже первый император минской династии Чжу Юаньчжан предпринял недвусмысленную попытку подчеркнуть зависимость Японии от Китая. Так, в своем послании 1370 г. Японскому сёгуну Чжу Юаньчжан писал: «Небольшая страна варваров, недовольная своей судьбой, обдуманно нарушает волю Неба частыми набегами и создает беспорядки. Это вызывает ненависть людей и едва ли может быть терпимо Небом». Китайский император советовал японскому правителю «изменить свои помыслы» и повиноваться его приказам¹.

Японские правители начали обретать большую уверенность и смелость, граничащую с дерзостью, в диалоге с Китаем: в XIV—XVI веках китайских послов, которые пытались вручить грамоты своих императоров, где по-прежнему проводилась идея китайского «сюзеренитета», чаще всего попросту выставляли задверь, что было немыслимо ни в танский, ни в сунский периоды китайской истории. Уже тогда Китай впервые ощутил возросшую активность Японии на море. «Небо и земля огромны, они не могут принадлежать одному правителю» — заявлял в ответном послании императору Чжу Юаньчжану японский сёгун Асикага Ёсинори². В этих словах содержалось не только желание реабилитировать действия японских корсаров. Ответ Асикага Ёсинори откровенно отвергал концепцию китайского «сюзеренитета» и выражала серьезную заявку на соперничество с Китаем. Через два столетия, в конце XVI в. Япония бросила открытый вызов Китаю, предприняв крупные военные акции в отношении Кореи, находившейся в сфере китайского влияния.

1Wang Yi-tung Official Relations between China and Japan. 1368—1549.
<http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674435254>

²Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 99-110.

Маньчжуры, в отличие от монголов не стали противопоставлять собственную культуру традиционной китайской, в этот период Китай становится частью Цинской империи. Цинны проводят активную захватническую внешнюю политику. Правители государства Цин проводили политику изоляции Китая от внешнего мира. Европейская колонизация почти не затронула империю. Католические миссионеры играли заметную роль при императорском дворе до конца XVII в., после чего христианские церкви были постепенно закрыты, а миссионеры — высланы из страны. В середине XVIII в. была ликвидирована торговля с европейцами, за исключением одного порта в Кантоне. Опорным пунктом иностранной торговли оставался остров Макао, находившийся под контролем португальцев¹.

В первые два столетия цинской династии Китай, закрытый от повседневных контактов с внешним миром, проявлял себя как сильное независимое государство, осуществляющее экспансию во всех направлениях.

¹RusselJ. CohnR. — Империя Цин. Изд: VSD, 2012 С.56

2. ИЗМЕНЕНИЕ УСТОЯВШЕГОСЯ ОБРАЗА ЯПОНИИ И НОВАЯ РОЛЬ КИТАЯ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ (середина XIXв. - началоXXIв.)

Вторая половина XIX в. стала переломным рубежом в развитии китайско-японских отношений. Этот перелом был теснейшим образом связан с вторжением западного капитализма в Китай и Японию¹. К моменту проникновения европейцев Поднебесная переживала не лучшие времена. Формально единое государство управлялось на деле военно-феодалными кликами, лидеры которых больше заботились о собственном благополучии, чем о благоденствии жителей вверенных их попечению провинций. Центральная власть не контролировала большинство регионов, собирала мало налогов. А те деньги, что удавалось добыть, шли на содержание оставшегося от древности огромного чиновничьего аппарата, совершенно не эффективного, вороватого пережитка прежней Поднебесной империи. Шаткий экономический фундамент не позволял создать боеспособные вооруженные силы. Будучи самым населенным государством, Китай имел небольшую армию с самым примитивным вооружением. Она не могла противостоять не только европейским экспедиционным отрядам, но даже вооруженным шайкам личных воинских контингентов региональных князьков.

В таких условиях, даже осознав вредоносность европейского закабаления, китайцы не могли противостоять ему. К концу XIX в. Китай был практически разделен на сферы влияния между европейскими государствами. В этом деле к Англии и Франции вскоре примкнули Германия и Россия. Экономическая экспансия вскоре дополнилась элементами прямой колонизации².

Япония в это же время стала империалистической страной, которая начала строить свои отношения с Китаем как объектом колониальной

¹Сладовский М.И. Китай и Япония. –М.: Изд:Наука. - 1971. – С. 118.

²Васильев Л., Лапина З. История Китая. – М.: Изд: МГУ, Оникс. – 2014. С. 201.

экспансии. Возник, таким образом, качественно новый тип взаимодействия двух стран. Хронологические рамки нового этапа китайско-японских отношений охватывают примерно пол столетия: от поражения Китая в японо-китайской войне 1894-1895 гг. до разгрома Японии во второй мировой войне¹.

Столкнувшись вплотную с угрозой проникновения капиталистических держав, феодальные режимы Китая и Японии при всей своей специфике реагировали примерно одинаково – они прибегли к изоляции своих стран от внешнего мира².

Крушение этой политики обнаружилось в 40-50-е гг. XIX в., когда западные державы с целью втягивания Китая и Японии в складывающийся капиталистический рынок прибегли к их насильственному «открытию» и навязали обеим странам систему неравноправных договоров, ограничивающих их суверенные права. Это создавало перспективу включения Китая и Японии в мировую капиталистическую систему на положении зависимых от передового Запада стран. Япония, однако, сумела завоевать независимое место в складывающейся системе мирового капитализма, используя единственную в тех исторических условиях возможность – быстрый и эффективный переход на тот же, что у Запада, уровень социально-экономического развития. В результате к концу XIX в.. Япония превратилась в экономически развитое государство, освободившееся от неравноправных договоров с западными державами и ставшее на путь экспансионистской политики³.

К концу XIX началу XX вв. Япония и Китай оказались на разных полюсах капиталистической империалистической системы. Китай – полуколония западных империй, Япония – мощная империалистическая держава, активно реализующая свои экспансионистские амбиции.

1 Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 67.

2 Политика самоизоляции // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/148296/>

3 Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. – М.: Изд: «Восточная литература» РАН. – 2005. С. 119-123.

В Японии еще с конца XVIII и в первой половине XIX вв. начался системный кризис феодальной системы, быстро развивалась товарно-денежная система, шел процесс роста производственных сил и формирования капиталистического уклада. А попытка изоляции в случае обеих стран была ни чем иным как попыткой консервировать феодальные порядки. Однако в Японии изоляционистская политика не смогла полностью исключить западное влияние, которое оказало стимулирующее воздействие на естественный процесс распада феодальной системы. В японской феодальной системе изначально были заложены факторы, позволившие ей менее болезненно нежели Китаю перейти к капиталистической системе. Например: высокий уровень грамотности населения и отзывчивость к восприятию нового, которая уже проявляла себя на примере заимствования китайских культурных и технических достижений.

Несмотря на ограничительные меры сёгуната торгово-ростовщический капитал стремительно набирал силу. Явная неудача, в частности, мероприятий бакуфу в начале 40-х гг. XIX в. (известных под наименованием реформ годов Тэмпо) с целью парализовать его чрезвычайно возросшее экономическое могущество, свидетельствовала о росте экономических позиций японской буржуазии и ослаблении позиций феодалов¹.

Усиление внешней угрозы со стороны западных держав, капитулянтская политика сёгуната, с одной стороны, и расширение масштабов иностранной интервенции в соседнем Китае, с другой, сыграли роль мощного катализатора для пробуждения национального самосознания и консолидации всех сил страны, подтолкнув оппозицию к решительным действиям. После революции Мэйдзи, при всей ее половинчатости и незавершенности, Япония пошла по пути ликвидации последствий изоляционистской политики, проведения буржуазных реформ и поощрения использования передового иностранного опыта в науке и производстве. Процесс замещения одной системы ценностей другой, проявившийся в

1 Кузнецов Ю.Д. История Японии. - <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z00000011/index.shtml>

интенсивном заимствовании чуждой культуры, привел к более динамичной эволюции¹.

На эволюции Китая сказалась иная комбинация внутренних и внешних факторов, которые определили его отличный от Японии, более замедленный и консервативный, путь развития, привели к превращению страны в полуколонию, Китай к моменту столкновения с Западом оказался органически не способен к переходу на новый тип производственных отношений². В Китае в этот период, в отличие от западной системы развития, не было даже представлений об институте частной собственности. Город, который в западной модели развития, воспринятой Японией, становился центром мелкотоварного производства и обеспечивал связи между крестьянином-производителем и потребителем в Китае таким центром не стал. Не сформировалась система частной собственности и капиталистических связей между городом и деревней, если западному городу нужен был в это время сельский рынок, то китайскому городу был необходим сельский налогоплательщик³.

Процесс осмысления нависшей над страной опасности, поисков выхода из кризиса, естественно, находил свое отражение в общественно-политических взглядах представителей интеллектуальных слоев китайского общества. Их волновали проблемы места Китая в общеисторическом мировом процессе, его выживания в столкновении и взаимодействии с агрессивными и динамично развивающимися капиталистическими государствами, проблемы модернизации страны и возрождения ее былой мощи. Наиболее дальновидные представители правящих кругов империи высказывались за политику заимствования отдельных достижений иностранцев⁴.

1 Уэллс Герберт. Очерки истории цивилизации. - М.: «Эксмо». – 2004. – С. 143.

2 Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. – М.: Восточная литература. – 2001. – С 20-21.

3 Родригес А.М. История стран Азии и Африки в новое время. Часть 1. – М.: Владос. – 2014. – С. 7-42.

4 Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. — М.: Восточная литература. – 2001. – С 21-26.

Под их давлением цинское правительство с целью «самоусиления» приступило к реализации политики «усвоения заморских дел» «ян у юньдун»¹, в рамках которой осуществлялись частичные преобразования в сфере административного аппарата, финансов, просвещения, армии и флота, транспорта и связи. Эта политика, реализуемая под эгидой феодального государства и ставшая своеобразным «ответом» традиционного китайского деспотизма Цинов на вторжение Запада, формой его приспособления к новым условиям насильственного вовлечения Китая в мировую капиталистическую систему, была направлена не на ломку сложившейся традиционной структуры, а лишь на ее частичное преобразование и приспособление к новым условиям существования. Реализация этой политики практически совпала с подготовкой революции Мэйдзи и последующими буржуазными преобразованиями в Японии. В основе политики «самоусиления» лежало стремление консервативных сил спасти феодальную систему, прежде всего упрочив ее опору — армию путем организации машинного производства европейского оружия на казенных и казенно-частных предприятиях. В данном случае целью феодального деспотизма отнюдь не являлось развитие капитализма, которого он боялся и в котором видел угрозу феодальным устоям².

В ходе проведения этой политики осуществлялся бдительный контроль над частным предпринимательством со стороны феодальной бюрократии, целый комплекс мероприятий, которой был нацелен на использование капиталов буржуазии и присвоение ее прибыли. В то же время феодально-государственный тип организации производства на предприятиях, контролируемых правительством, не мог обеспечить их эффективность. Результаты этой политики, как известно, имели для Китая катастрофические последствия. Действуя на путях самоусиления, феодальная деспотия Цинов

1 Политика самоусиления и попытки реформ в Китае во второй половине XIX в. - <http://maxbooks.ru/chinese1/cn39.htm>

2 Меликсетов А.В. История Китая. –М.: Изд: МГУ, Оникс. – 2014. – С 156-163.

еще могла в известной мере повысить свою способность к подавлению народных движений, но перед лицом давления извне она оказалась бессильна.

Кардинальные различия в социально-экономической эволюции Китая и Японии во второй половине XIX века не замедлили сказаться и на характере отношений двух стран¹.

Следует отметить, что период изоляции Китая от внешнего мира, когда японцы слабо представляли себе характер китайского общества, сыграл определенную роль в искусственном поддержании в Японии старых представлений о Китае как сильной высокоразвитой, цивилизованной державе. Первые японцы, посетившие Китай после краха политики изоляционизма, неожиданно для себя увидели совершенно иную картину - картину слабого и униженного Китая. «На земле мудрецов, которыми они восхищались, — пишет японский исследователь Это Синкити, — они встретились с мерзостью, отвратительным запахом, плывущими по реке трупами и гражданской войной. В Шанхае английские и французские солдаты вели себя высокомерно и делали все, что хотели. При виде всего этого японское восхищение Китаем сменилось разочарованием»².

Уже к середине XIX в., особенно после революции Мэйдзи, Китай окончательно утратил в глазах Японии роль учителя. В стереотипах ее отношения к соседу стали появляться, становясь все более доминирующими, новые черты — снисходительное высокомерие, даже презрение к народу, который погряз в старых формах общественного бытия, закоснел в своем консерватизме, в результате оказался неспособен воспринять плоды современной западной цивилизации и допустил в отношении себя цепь унижений со стороны западных держав.

На фоне динамично прогресса Японии первоначальное чувство разочарования быстро сменилось высокомерным презрением. 70-80-е годы

¹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 106.

² Wan Ming. Sino-Japanese Relations Interaction, Logic, and Transformation. – Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. – P.350.

XIX века характеризовались нарастание внешнеполитического давления на Китай со стороны Японии. Первыми объектами ее колониальных поползновений становятся острова Рюкю, Корея и Тайвань. В 1872 г. Япония, не считаясь с протестами Китая, объявила архипелаг Рюкю своим владением. Последующие два десятилетия характеризовались резким обострением китайско-японских отношений, усиление позиций Японии в Корее и фактической утратой Китаем своего влияния в этой стране¹.

Таким образом, 70 – 80-е годы XIX века характеризовались достаточно резким изменением китайско-японских отношений: инициатива все больше переходила к Японии.

В 1894 году убийство в Шанхае Ким Оккюна – главного инициатора переворота в Корее в 1884 году – резко обострило и без того непростые японо-китайские отношения. В июне 1894 года по просьбе корейского правительства Китай направил в Корею отборные части Хуайской армии для подавления крестьянского восстания, поднятого религиозной сектой тонхаков, их конвоировали корабли Бэйянского флота. Япония также направила сюда свои войска, причём в троекратном количестве, чем китайские части, после чего потребовала от корейского короля проведения «реформ», означавших фактически установление в Корее японского контроля².

В итоге по окончании войны в 1895 г. Цинское правительство, боясь народных выступлений, подписало унижительный Симоносекский договор³. По этому договору Китай уступал Японии обширную территорию, соглашался выплатить контрибуцию, предоставить Японии права вкладывать капитал и строить фабрики в открытых портах Китая⁴.

Поражение Китая в японо-китайской войне 1894—1895 гг., открывшее путь к империалистическому закабалению Китая и превращению его в

1 Сладовский М.И. КитайиЯпония. –М.: Изд:Наука. 1971.С. 85.

2 Пак М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды. –М.: Изд: Восточная литература, 2003. С. 112.

3Сладовский М.И. Китай и Япония. – М.: Изд:Наука. 1971.

4 Васильев Л., Лапина З. История Китая. – М.: Изд: МГУ, Оникс. – 2014. – С.115.

полуколонии, явилось закономерным финалом политики «самоусиления» Цинов. Характерно, что ее окончательный крах обнаружился именно в столкновении с Японией, продемонстрировавшей победой над Китаем преимущества своей буржуазной эволюции¹.

Для китайской правящей элиты (особенно для ее наиболее консервативной части) процесс приспособления к новым условиям их традиционного восприятия окружающего мира, в котором Япония по-прежнему фигурировала в качестве «варвара-вассала», оказался мучительным и трудным. Собственно, имело место не внезапное и одноразовое разрушение старого стереотипа, а его мучительная и болезненная трансформация, когда одни компоненты видения уступали место другим. Решающее воздействие на эту трансформацию оказывал внешний фактор — усиливающееся давление на Китай со стороны Японии, что придавало процессу переосмысления китайскими консерваторами роли и места «варварской» Японии особенно болезненный характер. Важным рубежом этого переосмысления явилось поражение Китая в войне 1894 – 1895 гг.. Япония, которая недавно заслуживала лишь презрительно высокомерного отношения, в лучшем случае величественного снисхождения (на грани полного игнорирования)², внезапно стала объектом озлобления и раздражения в глазах феодально-консервативной элиты. Для значительной части китайской конфуцианской бюрократии Япония накануне и даже после «реставрации Мэйдзи» по-прежнему оставалась глухой «провинцией». Китайцам, отмечает западный исследователь Самуэль Чжу, японцы казались странными, забавными, может быть умными, но они никогда не принимались всерьез³.

Правящие круги Китая, несмотря на появившуюся информацию о переменах в Японии, имели самое смутное представление о том, что

1 Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть?: К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 203.

2 Меликсетов А.В. История Китая. – М.: Изд: МГУ, Оникс. – 2014. – С. 43.

3 Akira Iriya The Chinese and the Japanese. Essays in Political Interactions. - .Princeton, 1980.

происходило в этой стране. Точнее было бы сказать, что «реформы Мэйдзи» квалифицировались консерваторами как отказ от следования традиционным канонам, типичным в этих кругах было называть японцев «восточными варварами, забывшими заветы предков», как выражение свойственного японцам стремления подражать «модными течениям и образцам», что вызывало лишь снисходительно-высокомерные насмешки со стороны конфуцианских интеллектуалов.

Правящие круги Китая в целом не поняли значения крупных социально-экономических и политических преобразований в Японии после 1868 г. и возможных последствий для Китая происходивших там процессов. Поэтому проблема использования в Китае японского опыта модернизации полностью ими игнорировалась¹.

Несмотря на негативные и часто враждебные чувства к «варварам» — японцам, Япония и после «реставрации Мэйдзи» не воспринималась большинством цинских сановников как серьезная угроза Китаю. Они просто не принимали ее в расчет. Да, Япония — это беспокойный «варвар», но отнюдь не заслуживающий такого же внимания, как ведущие западные державы — Англия, Франция, Германия, Россия.

Социально-психологические стереотипы, в частности, китайско-японского взаимовосприятия, в обоих социумах возникали и формировались прежде всего на элитарном уровне, лишь в дальнейшем становясь элементами массового сознания. Массовое сознание более консервативно, более инерционно в нем гораздо дольше могут сохраняться элементы или черты стереотипа, которые уже начинают подвергаться трансформации на элитарном, идеологизированном уровне общественного сознания. Таким образом, определенный разрыв в характере восприятия и реагирования между низшим уровнем общественного сознания (массовым сознанием) и его высшим, элитарно-идеологизированным срезом, более гибко отражающим

1 Каткова З.Д., Чудодеес Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 303.

изменения в политике, представляется в достаточной степени закономерным явлением¹.

В начале 60-х гг. Китай высокомерно отклонил предложение токугавского режима об установлении официальных дипломатических отношений. Однако, спустя всего несколько лет, в 1871 г. уже Япония отклонила предложение Китая о союзе против вторжения западных держав².

На общем фоне величественной самоуспокоенности и презрительно высокомерного отношения к «карликовым чертям за Восточным морем» в 70 — 80-х гг. начал проявляться и несколько иной подход к Японии.

Важными факторами, резко стимулировавшими процесс осмысления китайской интеллектуальной элитой необходимости серьезных сдвигов в традиционной структуре, явились опыт буржуазных преобразований в Японии — «реформы Мэйдзи», которые осуществлялись параллельно с курсом на «усвоение заморских дел», а также характер китайско-японских отношений в 70—90-х годах XIX в. Особая эффективность и вместе с тем неоднозначность воздействия «японского фактора» на различные круги Китая объяснялись тем, что Япония, небольшая азиатская страна, традиционно третировавшаяся китайцами, в результате реформ быстро двинулась по пути капиталистических преобразований, заставила считаться с собой западный мир, более того неожиданно стала серьезной агрессивной силой, наряду с западными державами угрожающей целостности империи.

Два десятилетия с 1875 по 1894 гг. характеризовались резким обострением китайско-японского конфликта в Корее, усилением там позиций Японии и фактической утратой Китаем своего влияния в этой стране. В 1876 г. Япония, опередив западные державы, навязала Корее неравноправный договор, в котором было подчеркнуто непризнание ею зависимости Кореи от

¹ З.Д. Каткова, Ю.Д. Чудодеев. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). –М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 297.

² Сладовский М.И. Китай и Япония. –М.: Изд.Наука. – 1971. - С. 123.

Китая. Характерно, что цинское правительство не заявило Японии официального протеста по этому поводу¹.

В первых китайских оценках «реформ Мейдзи» присутствовала очень сильная консервативная струя. Не отрицая разительных сдвигов на путях заимствования «западных методов», представители консервативной тенденции в среде китайской интеллектуальной элиты считали, что японцы заплатили за это слишком высокую цену, отказавшись от национальных традиций, потеряв тем самым «лицо» и подорвав стабильность традиционной системы².

В предвоенные 90-е годы XIX в. китайская интеллектуальная среда условно разделилась на три группы в оценках «революции Мейдзи» и ее последствий. Первая группа, представленная консерваторами, приверженцами старых стереотипов, считала, что Япония, пойдя по западному пути, разрушила то небольшое положительное, заимствованное из Китая, тем самым предав заветы предков, потеряв лицо и «погрязнув в низости и пороках»³. К этой группе относились многие придворные ученые и советники, придерживающиеся китаецентристской идеологии, направленные в Токио в составе посольств и дипломатических миссий.

Вторую группу представляли менее радикально настроенные ученые, они писали о том, что многие достижения Японии безусловно эффективны, однако конфуцианскую идеологию не следует слепо подменять западной литературой, считая, что это может подорвать традиционную структуру государства.

К третьей группе относились представители радикального крыла общественно-политической мысли того времени. Пример Японии в использовании достижений Запада стал для них ярким аргументом в

1 Адамчик В.В., Адамчик М.В. История Китая. – Минск. Изд: Харвест. – 2005. С. 164.

2 Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 154.

3 Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 156.

пропаганде необходимости преобразований в Китае. Представителей раннереформаторской мысли прежде всего поражал феномен быстрого преобразования маленького островного государства, та метаморфоза, которая произошла с японским обществом в результате восприятия «западных методов».

Это разделение указывает на то, что китайская общественная мысль понемногу меняла свое мнение о Японии. Важным свидетельством переосмысления отношения китайцев к Японии являются работы видного китайского просветителя, поэта, дипломата, представителя раннереформаторской мысли, а в дальнейшем активного участника движения за реформы 1898 г. Хуан Цзунсяня. «Хуан Цзунсянь был первым китайцем, — справедливо замечает Н. Камачи, — который предпринял большие усилия, чтобы понять огромные изменения, которые произошли в Японии после ее неожиданной встречи с Западом»¹. Он был одним из первых, кто выступил с рекомендацией о распространении на Китай японского опыта модернизации в период Мэйдзи.

Различные круги китайского общества при всей неоднозначности реагирования чрезвычайно болезненно пережили поражение в войне 1894-95 гг.. В дальнейшем Сунь Ятсен назвал этот период «эпохой унижения Китая перед японцами»². Удар, который нанесли японцы, воспринимался гораздо острее болезненнее, чем предшествующие поражения Китая в войнах с европейскими державами. По мнению Ч. Джонсона, «среди унижений, которым подвергались китайцы, ни одно так не уязвило их гордости, как поражение Небесной империи, которое нанесли ей «карлики» в 1895 г.» Это было поражение от азиатской страны, которую китайские императоры веками традиционно рассматривали в качестве «варвара», страны, воспринявшей китайскую культуру и всего несколько десятилетий назад

1 Блюмхен С.И. Общество и государство в Китае: научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И. Думана / Ин-т востоковедения; М.: Вост. лит., 2007. С. 121-125.

2 История Китая 1918-1939г. - http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=644:istoriya-kitaya&Itemid=17

вместе с Китаем испытывавшей унижение от неравноправного положения¹. Победителями в данном случае оказались несильные «заморские дьяволы», обладавшие преимуществом перед Китаем в виде современного вооружения и передовой технологии, а знакомые «карликовые пираты», «пигмеи», которых высокомерно третировали.

После японо-китайской войны Ли Хунчжан называл японцев «самыми ненавистными из всех иностранцев». «В моем сердце, — писал он в своих мемуарах, — ненависть к нации, которая заставила нас вступить в войну из-за Кореи, в течение двухтысяч лет принадлежавшей Китаю»².

В представлении наиболее консервативных кругов китайской элиты — достаточно широкого слоя чиновников воспитанных на идеях ксенофобии и феодального национализма, — победа Японии над Китаем казалась вообще невероятной. В принципе они не исключали возможность военного столкновения с Японией, но в отдаленном будущем, причем, по инициативе Китая, который имел бы моральное право «наказать» Японию, начав против нее «карательную войну». Самоуверенность консерваторов влекла за собой недооценку военного потенциала Японии и ее готовности к решительным и активным боевым действиям.

Непрерывная цепь поражений китайских армии и флота на театре военных действий, наконец, подписание унижительных и кабальных статей Симоносекского договора 1895 г. буквально повергли консерваторов в шоковое состояние, вызвав их растерянность и озлобление. Победа Японии означала крах политики «самоусиления», которую проводило цинское правительство. Однако у большинства представителей консервативной элиты это не привело к реалистическому переосмыслению «образа» Японии. Единственно, что следует учесть — о Японии теперь писали и говорили с озлоблением и ненавистью как о ничтожном, но развращенном и дерзком

1Johnson Chalmers. How China and Japan See Each Other. — «ForeignAffairs», 1972.
<https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1972-07-01/how-china-and-japan-see-each-other>

2Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 89.

«варваре», который посмел посягнуть на Небесную империю и поэтому заслуживает сурового наказания¹.

В условиях абсолютного конкурентного преимущества Японии перед Китаем, в военной и технической сферах, в Китае в верхушке власти начались разговоры о моральном падении и духовном разложении Японии. Сановники, по-прежнему не желающие менять своего мнения о «карликовых чертах» пытались требовать войны, карательного похода, ответного удара, однако все эти требования к 1895 году были уже несостоятельны.

В течение длительного времени для китайских представлений о Японии был характерен ее искаженный «образ». Эти искажения могли определяться, конечно, различными причинами и обстоятельствами. Например, восприятие Японии китайской правительственной элитой как «вассала» Китая шло от традиционных китаецентристских взглядов, но, естественно, не подкреплялось реальным политическим влиянием Китая на Японию. Причем разрушение одного контрастирующего с действительностью стереотипа порождало другой, но тоже в значительной степени подверженный иллюзорным искажениям, например, связанный с надеждой определенных китайских политических кругов, что Япония в тех конкретных условиях может помочь Китаю выйти из рамок отсталости и завоевать подлинную независимость. В этих представлениях агрессивная природа японского милитаризма явно уходила на задний план, на первом оказывалась идея расовой общности. Искажённые, идеализированные представления о Японии, оторванные от реалий ее конкретной политики, от существа процессов, которые ее определяли, в дальнейшем оказались характерны и для различных направлений антиправительственной оппозиции.

Японо-китайская война явилась поворотным моментом в истории Китая. Она стала своего рода катализатором, который дал мощный импульс политической активности передовых представителей китайского общества,

1 Каткова З.Д., Чудодеёв Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 73.

осознавших необходимость коренных преобразований в стране. Поражение Китая в войне с Японией, к которой в верхах относились с высокомерным пренебрежением, поколебало уверенность отдельных представителей интеллектуальной элиты в эффективности старой традиционной системы. Оно не просто порождало тревогу за дальнейшую судьбу страны, но воспринималось как симптом гибели Срединной империи¹.

Проигранная война, позор Симоносекского мира, разочарование в политике правительства привели к сдвигу в политическом самосознании китайского общества, прежде всего его интеллектуальных слоев, способствовали оформлению новых политических течений.

Война 1894—95 гг. стала толчком, который заставил по-новому взглянуть не только на перспективы развития Китая, но и на Японию, которая нанесла ему столь чувствительный удар. Японо-китайская война стала своего рода переломным рубежом в формировании нового подхода к Японии. Наряду с чувствами озлобления и досады — реакцией, которая в основном отражала настроения наиболее консервативных кругов правящей элиты, — в социально-психологическом восприятии Японии впервые выявились компоненты иного рода: уважение, зависть и восхищение ее динамичным прогрессом, желание учиться и перенять ее опыт.

В данном случае речь может идти о восприятии Японии лишь на элитарном уровне политического самосознания, точнее на уровне самосознания сравнительно узкого круга представителей образованных слоев общества. Национальное самосознание еще не пробудилось в той мере, чтобы можно было говорить о реакции широких народных масс на события японо-китайской войны, тем более об осознании ими ее последствий.

Носителями новых настроений, которые достаточно резко контрастировали с традиционными представлениями верхов, в первую очередь оказались круги, оппозиционные цинскому режиму — как

¹История Китая 1918-1939г. - http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=644:istoriya-kitaya&Itemid=17

либерально-реформаторского (Кан Ювэй, Лян Цичао), так и революционного (Сунь Ятсен) направлений.

Естественно, что в центре внимания политических сил, искавших в послевоенный период выход из кризиса, не могло не сказаться простое сравнение судеб Китая и Японии. Остро вставал вопрос: объясняется ли успех Японии в войне с Китаем только более эффективным использованием современного оружия или также реформами ее политических и экономических институтов? Для многих представителей интеллектуальных кругов, по-своему пытавшихся разгадать «тайну» Японии, она внезапно явилась образцом прогресса, быстрой и динамичной модернизации социально-экономической и политической систем, своего рода феноменом превращения из отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. Снисходительное высокомерие Китая по отношению к Японии, замечает М. Дженсен, сменилось завистливым восхищением¹.

Пятнадцатилетний период между японо-китайской войной и Синьхайской революцией — один из уникальных в истории китайско-японских отношений, прежде всего с точки зрения роли Японии в политической и идеологической жизни пробуждающегося Китая. После 1895 г. японцы стремились держать руку на пульсе интеллектуально-политической жизни китайского общества, не только пытаясь чутко улавливать симптомы предстоящих перемен, но и стремясь по возможности активно воздействовать на них.

Япония в этот период явилась своеобразной школой приобщения передовой китайской интеллигенции к современным идеологическим концепциям. Япония стала своего рода проводником, связующим

¹ Japan and China from War to Peace, 1894—1972. Jansen Marius B.
https://www.jstor.org/stable/132043?seq=1#page_scan_tab_contents

звеном, через которое осуществлялось подключение китайской духовной жизни к общемировым процессам идейного развития¹.

Расовая и культурно-историческая близость двух стран как бы снимала тот психологический барьер, который «отделял» Китай от Запада, обуславливая подход к нему как нечто чужеродному, не вписывающемуся в традиционную структуру восприятий, в отношении Японии словно не действовала реакция «отторжения». Западные державы как главный враг и главный источник опасности для Китая, а Япония как чуть ли не защитница Китая от западного экспансионизма — такая доминанта в целом была характерна для китайского восприятия внешней обстановки на том этапе. В ракурсе такого подхода вполне логичным было, например, восприятие японского участия в подавлении восстания ихэтуаней не как проявления агрессивных намерений японских правящих кругов, а как стремления японцев оказать помощь Китаю в отражении агрессии западных держав.

Японские правящие круги путем искусно рассчитанных маневров и игры на националистических чувствах китайского народа активно стремились поддержать положительный «образ» Японии в глазах китайской общественности, добиться положительного отношения с ее стороны к японской политике. Японские усилия в этом направлении развивались как по политическим, так и по идеологическим каналам. В частности, руководители Японии в этот момент открыто покровительствовали и поддерживали политическую оппозицию в Китае, стремясь использовать ее антиправительственный потенциал для ослабления китайской государственной структуры и облегчения японской экспансии².

Основной доктриной, которая обеспечивала на определенном историческом этапе «стыковку» китайского и японского национализма и которая до поры до времени как бы нейтрализовала антияпонскую

¹ Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900-1917 гг.). - <https://books.google.ru/books/about/%D0%9E%D0%B1%D1B5% %B2%D0%B5>

² Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 102.

направленность китайского национализма, являлась идея паназиатизма. Зародившись на японской почве, она получила значительный резонанс в китайском националистическом сознании. На фоне формирования этой идеи и происходил тот своеобразный психологический сдвиг в китайском восприятии Японии, существенным компонентом которого становилась иллюзорная вера в положительную роль буржуазной Японии в судьбах Китая¹.

Сильнейшее влияние на Китай оказали события и исход русско-японской войны. Победа азиатского государства, недавно вставшего на путь буржуазных реформ, над могущественной, традиционно считавшейся в Китае непобедимой западной державой, вызвала в стране подъем как оппозиционных, так и националистических настроений. Характерной особенностью этой националистической волны являлось то, что она, словно игнорируя реальные факты усиления позиций Японии в Китае, в данном случае способствовала утверждению на какой-то момент положительного облика Японии в сознании части китайской общественности, укрепляла иллюзии о Японии как форпосте против проникновения Запада в Восточную Азию, о возможности совместного противодействия экспансии западных держав.

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX вв. характеризуются, с одной стороны, явным кризисом традиционноконсервативных взглядов на Японию как одну из стран «варварского» окружения Китая, но, с другой, — новым, явно контрастирующим с традиционным высокомерным восприятием Японии. Возникновение на идеологизированном уровне китайского общественного сознания новых представлений о Японии было тесно связано с появлением в стране общественных сил, оппозиционных цинскому режиму. Этот взгляд на Японию, который вбирал в себя и определенные компоненты традиционного

¹Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900-1917 гг.). — М.: Наука. — 1972. — С. 164.

подхода, можно охарактеризовать как своеобразный социально-психологический феномен тесного соседства реализма и иллюзий.

Начавшаяся первая мировая война создала исключительно благоприятную ситуацию для реализации японских экспансионистских планов в отношении Китая. Война в Европе связала руки великим державам (Англии, Германии, России), вследствие чего Япония получила свободу действий на Дальнем Востоке.

«Государства, являющиеся высшими, будут управлять низшими. В течение двух или трех десятилетий в мире будет несколько крупных правящих стран, а остальные будут управляться ими и будут платить дань покорности их мощи... Например, Англия, Россия, Германия, Франция, может быть, будут высшими странами. Мы должны уже сейчас готовиться, чтобы стать правящей нацией» именно таким был текст опубликованный в газете «Син Нихон» по заказу японского правительства. Он как ни что другое отражает позицию Японии и настроения ее политической среды в 20е г. XX в.¹.

Хотя Япония торжественно заявляла об отсутствии у нее каких-либо намерений захватить территорию Китая, более того, мотивировала свои действия в отношении германских владений желанием в будущем вернуть их Китаю, японским обещаниям (в частности, о возвращении Циндао) уже мало кто верил в Китае, и прежде всего на правительственном уровне. Захват Шаньдуна не был воспринят в Китае как начало изгнания западных держав из Восточной Азии с японской помощью. В данном случае отклик на японскую акцию был резко отрицательным по сравнению с тем, который наблюдался в 1904—1905 гг., когда Япония разгромила Россию и закрепилась в Маньчжурии².

Иллюзии в отношении истинных намерений японского правительства постепенно рассеивались и в среде революционной оппозиции. Так, по

¹ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука. - 1984. – С. 203.

² Внешняя политика Японии в начале XX в. <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st060.shtml>

мнению Сунь Ятсена, если уж Япония хотела действительно помочь Китаю и ослабить давление Запада, ей следовало бы начать с удара не по Германии, а по Англии, чьи позиции в Китае были куда более сильными. В китайском сознании Шаньдун был связан с именами Конфуция и Мэнцзы, колыбелью древнекитайской традиции, — все это углубляло негативную реакцию на действия японцев.

В январе 1915 г. японское правительство предприняло дальнейшие шаги по реализации своей экспансионистской политики в Китае, в ультимативной форме предъявив правительству Юань Шикая «21 требование». Помимо передачи Японии всех бывших германских владений в Шаньдуне, японский ультиматум содержал притязания на Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, требование не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какие бы то ни было пункты на побережье, предоставление всевозможных льгот и привилегий японским подданным¹. Наиболее унижительным для Китая были требования пятой группы, которые предусматривали приглашение «авторитетных японцев» в качестве советников центрального правительства по политическим, финансовым и военным вопросам; приглашение японцев на службу в полицейские управления в ряде районов Китая, либо создание в этих районах объединенной японо-китайской полиции.

К этому времени на всех уровнях непосредственного общения с китайцами — от официальных до бытовых — в поведении японцев доминировало стремление сознательно унижить, оскорбить не только их национальное, но и чисто человеческое достоинство. Например, чрезвычайно унижительной была сама форма японского обращения с ультимативной нотой, содержащей «21 требование», которая в нарушение общепринятых норм, минуя министерство иностранных дел Китая, была лично вручена японским посланником Хиоки Эки президенту Юань Шикаю ночью 18 января 1915 г. Японский представитель врывается ночью к китайскому президенту — чтобы

¹ Кузнецов Ю.Д. История Японии.// <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z00000011/index.shtml>

вручить ему ультимативную ноту, наконец, многочисленные факты оскорбительного по отношению к китайцам поведения японских администраторов на японских предприятиях в Китае, о которых сообщала китайская пресса, — все это находило чрезвычайно болезненное отражение в общественном сознании. Оскорбительные формы японского поведения, непосредственно захватывая сферу чувств и вызывая ответную эмоциональную реакцию китайцев, способствовали более прочному откладыванию в их национальном сознании негативного восприятия японцев и облика Японии в целом¹.

Китайское правительство не спешило удовлетворить японские требования. Столь значительное ущемление суверенных прав Китая серьезно подрывало монополию режима Юань Шикая на власть в стране, делало его зависимым от Японии по важным направлениям государственной политики. Консерваторы вовсе не хотели фигурировать в глазах китайского общественного мнения в качестве японских марионеток². Их особое негодование вызывали статьи пятой группы японских требований, наиболее унижительные для Китая. «Контроль над естественными богатствами страны, финансами, армией! Что же остается Китаю?» — эти слова одного из министров в правительстве Юань Шикая отражали внутреннее недовольство консерваторов требованиями Японии³.

В момент предъявления японского ультиматума Китаю 7 мая 1915 г., который был подкреплён мобилизацией японской армии и флота, представители Англии и США порекомендовали Юань Шикаю принять японские требования. Державы были явно обеспокоены возможностью прямого военного конфликта Японии с Китаем, который, ввиду слабости Китая, мог привести к трудно предсказуемым последствиям для их интересов

¹ Chi Madeleine. China Diplomacy, 1914—1918. <https://books.google.ru/books?id=Cs9yOuCZ-ekC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

² Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 109.

³ Pelissier R.L. The Awakening of China. 1793—1949//<http://www.theodore-roosevelt.com/images/research/treditorials/o157.pdf>

на Дальнем Востоке. С точки зрения западных стран, которые толкали китайское правительство на уступки, принятие «21 требования» как бы определяло рамки расширяющегося японского внедрения в Китай: Япония усиливала свои позиции, но не захватывала все. Нельзя исключить, что этими же соображениями мог руководствоваться и Юань Шикай, приняв 9 мая 1915 г. японский ультиматум. По мнению М. Цзи, «преимущества, которые Япония получила от Китая, не были такими большими, как они казались на бумаге»¹.

Резкое расширение масштабов японской экспансии в Китае в период первой мировой войны стало отправным моментом для своего рода качественного скачка в китайском национальном самосознании, резко стимулировало националистическую реакцию на национальное унижение. 7 и 9 мая с этого времени стали отмечаться в Китае как «дни национального позора». Доминирующим становится представление о Японии как о вероломном злодее, который решил воспользоваться сложившейся обстановкой не для того, чтобы помочь Китаю освободиться от оков западных держав, а, наоборот, чтобы занять их место и окончательно погубить Китай. В общественном восприятии Япония фигурировала теперь как главный враг Китая, покушающийся на его суверенитет. Ненависть китайского народа к иностранным угнетателям обратилась главным образом против Японии².

Расширение масштабов общественной реакции на японскую агрессию в значительной мере способствовало изменению политического климата в стране под влиянием Синьхайской революции, постепенное втягивание в политическую жизнь прежде всего различных слоев городского населения, армии. В условиях борьбы различных политических организаций за расширение своего влияния все более активную роль в формировании

¹ Chi Madeleine. China Diplomacy, 1914—1918.// <https://books.google.ru/books?id=Cs9yOuCZ-ekC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

² Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). – М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 134.

общественного мнения, распространении политических идей начинает играть печать. В свою очередь японская агрессия в годы первой мировой войны стала своеобразным политическим катализатором, который будил и развивал политическое самосознание, политическую активность в первую очередь тех социальных сил, которые представляли в китайском переходном обществе новые прогрессивные социально-экономические и политические тенденции.

Китайский народ ответил на «21 требование» значительным всплеском националистической активности, которую можно рассматривать как предтечу «движения 4 мая» 1919 г. Это было первое антияпонское выступление, возникшее стихийно как ответная реакция патриотических сил на агрессивные притязания Японии.

Значительную патриотическую активность проявляли китайские студенты, обучающиеся за границей. Именно в их среде было выдвинуто наиболее радикальное требование к правительству — сплотить нацию на непримиримую борьбу с японскими агрессорами, вплоть до объявления войны Японии. Многие студенты записались в формирующиеся антияпонские отряды и срочно вернулись в Китай. По их инициативе проводились массовые митинги и диспуты о мерах по организации национального спасения¹.

После смерти Юань Шикая в 1916 г. В Китае вновь начался период внутренней борьбы за власть, где преимущество одной из вооруженных группировок определялось именно тем какая из мировых держав будет стоять за ее спиной.

А в Японии в это время набирают силу идеи шовинизма, величия Азии и руководящей ролью Японии, как сильнейшей страны, которая должна направлять остальные азиатские страны на пути прогресса. Появилась так же идея о божественной избранности Японии не только как лидера, но как правителя Азии.

¹ Начало распространения марксизма в Китае // <http://chinesehist.ru/li-da-chzhao-i-chen-du-syu/>

В Китае же постепенно росло национальное самосознание, все более и более широкие слои населения входили в разнообразные националистические группировки. Свидетельством тому может служить «движение 4 мая» 1919 г. В 20 провинциях и 150 городах Китая в движении приняли участие более 10 млн. человек. В патриотических антияпонских выступлениях участвовали практически все слои городского населения — учащиеся и преподаватели, торговцы и мелкие промышленники, ремесленники и рабочие, наконец, некоторые чиновники и военные¹. Документы «движения 4 мая» отражают процесс нарастания негативного восприятия Японии в китайском общественном сознании, показывают, какой сильнейший, до поры скрытый внутренний резонанс находили в нем такие акты, как захват Тайваня, аннексия Кореи³³, «21 требование», наконец, захват Циндао и «германских владений» в Шаньдуне. Последнее воспринималось всеми участниками патриотического движения как национальная катастрофа, как симптом гибели государства, порабощения его Японией.

Для китайского обыденного сознания тех лет в целом был характерен, довольно примитивный, однозначный, наконец, рефлекторный стереотип восприятия Японии. На идеологизированном уровне Япония, естественно, воспринималась намного сложнее, сквозь призму современных политических реалий и разного рода политико-идеологических концепций, на базе которых могли строиться различные идеальные «модели» японо-китайского взаимодействия. На этом уровне традиционалистские оценки постепенно вытеснялись более современными представлениями о целях японской политики, о японской угрозе суверенитету страны.

Помимо чувства растущей неприязни к агрессивному соседу в китайском общественном сознании все чаще стало проявляться понимание нового соотношения сил между сильной Японией и слабым Китаем, раздираемым внутренними противоречиями находящимися в зависимости

¹ Гарушянц Ю. М. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. // <http://www.allistoria.ru/allis-450-1.html>

от иностранцев. Понимание возросшей мощи Японии по крайней мере реалистически мыслящими китайцами не оставляло места для величественной снисходительности и самоуспокоенности. Оно вызывало не только тревогу за судьбу страны, но и, что особенно важно, твердую решимость отстаивать ее суверенитет. Несмотря на постоянные междоусобицы, ни один из видных милитаристов не ратовал тогда за отделение своего «царства» от Китая в контексте японской агрессии на континенте, оценивая ее как угрозу всему Китаю в целом¹.

В апреле 1927 г. к власти в Китае пришла партия Гоминьдан, и ее лидер Чан Кайши возглавил правительство в Нанкине. Это событие открыло новый этап в развитии китайско-японских отношений. Он характеризовался многочисленными военными и дипломатическими инцидентами, конфронтациями, антияпонскими бойкотами и, наконец, восьмилетней войной с Японией (1937—1945 гг.). Все это привело к дальнейшему усилению негативного компонента в китайском восприятии Японии.

Изначально с приходом Чан Кайши к власти, он получил от Японии весьма плохо завуалированное предложение о фактическом разделе страны на японских условиях т. е. признать Северо-Восток и Север зоной господства Японии. Гоминьдан же должен был ограничиться югом и завязнуть там в борьбе с коммунистами. Он осознавал что Япония не станет поддерживать китайскую революцию, более того Япония рассматривает перспективу ее свершения как угрозу собственным интересам в Китае. И, не смотря на сопротивление Японии, в пику всем ее желаниям, намекам и требованиям Чан Кайши готовил Северный поход, для объединения страны. Северный поход привел хоть и к формальному, но все же объединению страны в 1928 г.² когда войска Чан Кайши взяли Пекин, хотя Япония всеми силами старалась не позволить подобному произойти.

¹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д. Китай – Япония: любовь или ненависть? : К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). –М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – С. 136.

² Меликсетов А.В. История Китая. –М.: Изд: МГУ, Оникс, 2014. С. 98.

После ухода в отставку в Японии кабинета Танака, агрессивно выступавшего против объединения Китая, наступило незначительное ослабление напряженности в двусторонних отношениях. Однако ощущение Японии как источника серьезной опасности для Китая становилось достаточно устойчивым компонентом в ее восприятии. Так, на совещаниях, состоявшихся вскоре после Северного похода, Чан Кайши и генерал Фэн Юйсян подчеркивали необходимость усовершенствования военной организации Китая, указывая на Японию как на потенциального врага, против которого должен вооружаться Китай. С учетом этого и строилась оборона страны.

Тем не менее далеко не все китайцы воспринимали Японию как внешнюю силу, враждебную самостоятельному и независимому развитию Китая. Несмотря на агрессивные действия японцев и рост антияпонских настроений, многим китайцам казалось, что Япония все еще «островная империя», не способная принести много зла Китаю. Так, в конце 20-х годов XX в. китайские писатели в своих книгах постоянно ссылались на Японию, как на «небольшое государство, расположенное на островах», а население называли «карликами»¹. Превращение небольшой «островной империи» в одну из сильнейших держав мира не было воспринято многими как сигнал опасности. Определенная часть китайцев продолжала придерживаться своей старой позиции презрения к японцам и воспринимала их страну как «провинциальную тихую заводь, модернизации которой можно позавидовать»². В частности, по словам Дай Цзитао, китайцы в отношении японцев придерживались концепции «Мы — страна передовой культуры».

Отношения между Китаем и Японией продолжали ухудшаться даже после официального признания нанкинского правительства. Главным камнем преткновения стала Маньчжурия.

¹ Wan Ming. Sino-Japanese Relations Interaction, Logic, and Transformation. - Washington: Woodrow Wilson Center Press., 2006. - P.256

² Dick Wilson. When Tigers fight. The story of the Sino-Japanese War, 1937— 1945. Viking Adult 1982.P.159.

«События 18 сентября» явились своего рода поворотным моментом в истории китайско-японских отношений, которые положили конец продолжительному периоду дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией. 18 сентября 1931 г. Чан Кайши оценил японскую агрессию на Северо-Востоке как беспрецедентный акт в международных делах и как начало второй мировой войны¹.

Поражение в Маньчжурии нанесло серьезный удар по национальной гордости китайцев². Плохо оснащенные, по сравнению с японскими, китайские солдаты и офицеры были полны решимости оказать сопротивление врагу — этим «карликам» и «маленьким чертям».

После взятия японцами Цзиньчжоу ее командующий заявил на одном из совещаний в начале 1932 г.: «Японские черти развязали «события 18 сентября», заняли три восточные провинции, пытаются превратить их в колонию, а нас в рабов». У китайцев, подчеркивал он, большая сила, хотя «черти» сравнительно хорошо вооружены, но они уступают китайцам по численности. Необходимо, чтобы все поднялись на отпор врагам. Одни дают оружие, другие — живую силу и этого, по его словам, достаточно, чтобы разгромить Японию.

В этот период многие известные китайские поэты, публицисты писатели, музыканты, драматурги выражали свое недовольство Японией, японской политикой, с разной степенью враждебности, кто-то восхищался японским прогрессом, но ненавидел японцев за унижение Китая, кто-то ненавидел японцев, не видя в них ничего положительного. Борьба политическая на этом этапе широким потоком вылилась в культурную жизнь страны, создавая в сознании простого народа законченный образ Японии и японцев, ключевыми чертами которого стала жестокость нации и неправомерность всех их действий.

¹ Hui Z. Saltzman. Hu Pu-yu. The Military Exploits and Deeds of President Chiang Kai-shek. Taipei, 1973 (см. по Securitizing Balance of Power. - Lexington Books. – 2012. C161)

² Li Dun J. The Ageless Chinese. //http://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/239716

Война с Японией в те годы стала главной темой всех разговоров в Китае. Если раньше китайца нельзя было заставить говорить о политике, то во время войны людей нельзя было остановить. Даже кули интересовались новостями о военных действиях. И всех волновал один вопрос — выживет ли Китай как нация¹? До этого китайский народ традиционно ненавидел войну, но с началом агрессии все изменилось. Проводилось военное обучение студентов, население проходило курс противовоздушной обороны, люди покупали противогазы. Даже дети захотели иметь в качестве игрушек танки и самолеты. Вместо традиционной одежды китайцы предпочитали носить военную форму².

По мере развития японской агрессии китайские банкиры, промышленники, торговцы пришли к выводу, что политика Токио несовместима с их выживанием. Национальная буржуазия признавала, что превращение Китая в японскую колонию неизбежно приведет к ущемлению ее интересов, ухудшению экономического положения. Логика событий подталкивала к участию в патриотическом движении. Однако в среде крестьянства четко выраженные антияпонские настроения не проявлялись. Большинство крестьян либо ничего не знало о Японии, либо только слышало о ее существовании. Появление колонны поющих и кричащих студентов было для них спектаклем, который крестьяне воспринимали так же, как свадьбу или похороны. Крестьяне были более чувствительны к экономическому угнетению, чем к японскому вторжению³.

Война резко изменила образ Японии в глазах китайцев. «Перед этой войной, — сказал один из них, — многие испытывали определенную симпатию к японцам. Наши студенты учились в Японии, лидер нашей революции Сунь Ятсен и его друзья часто находили там убежище. Мы занимались общим бизнесом. Они казались нам более близкими, чем все

¹ June Teufel Dreyer. Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present. - Oxford University Press.—P.159

² June Teufel Dreyer. Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present. - Oxford University Press.—P.184

³ China's Struggle to Modernize. // <https://libcom.org/library/social-struggles-chinese-modernization-process>

другие иностранцы. Теперь же в результате их нападения, их разрушительных бомбардировок и их жестокости каждый китаец смотрит на японцев с чувством страха и отвращения»¹.

В Китае царила общая ненависть к японцам. Даже дети не брали товары с маркой «Сделано в Японии». На китайских лавках стала появляться надпись: «Японцам вход запрещен!». В Ханькоу китайские газеты отказывались публиковать объявления японских фирм. Японские торговцы получали предупреждение, что торговля их товарами запрещена. Китайцы всеми возможными средствами протестовали против унижения со стороны опьяненной успехами японской армии, против ее бесчеловечных преступлений на оккупированной территории Китая.

7 июля 1937 г. произошло столкновение японских и китайских войск у моста Лугоуцяо под Пекином. Началась длившаяся восемь лет японо-китайская война (1937-1945 гг.), в китайской историографии более известная под названием «войны сопротивления Японии». По определению известного китайского историка Ли Юнтана, это была самая ужасная, самая бесчеловечная, самая жестокая и самая опустошительная война во всей истории Азии. Это была борьба насмерть между двумя государствами-соперниками в Восточной Азии — одна держава имела большое преимущество по численности населения, вторая отличалась высокоразвитой технологией, одна заявляла о своем превосходстве, ссылаясь на свою древнюю культуру, вторая претендовала на первенство на основе больших успехов, достигнутых за короткий период в области модернизации².

Хотя правительству Чан Кайши не удалось завершить подготовку к войне, оно не могло не учитывать обстановку в обществе. Патриотические настроения в стране достигли небывалой высоты. В своем стремлении сопротивляться японскому нашествию Китай был един, как никогда прежде. Выступая на пленуме гоминьдановского руководства 17 июля 1937 г. в

¹ Dick Wilson. When Tigers fight. The story of the Sino-Japanese War, 1937— 1945. Viking Adult 1982.P.168.

² Dick Wilson. When Tigers fight. The story of the Sino-Japanese War, 1937— 1945. Viking Adult 1982.P.174.

Лушане, китайский лидер заявил, что события заставляют Китай встать на путь подготовки к защите страны от японских захватчиков¹.

Во время этой войны Япония совершила ряд очень серьезных военных преступлений, зверства японских солдат навсегда остались в памяти китайцев. На сегодняшний день именно с этим историческим периодом у китайцев связана наибольшая ненависть к японцам. Именно за преступления этого периода такие как Нанкинская резня²,³ и деятельность отряда 731⁴⁵⁶ китайцы не могут простить японцев, беспощадные грабежи и разбой, массовое убийство мирного населения⁷, все это широко освещено и в школьных учебниках по истории в Китае и в художественных произведениях. Разумеется все эти события закрепились в памяти народа и наложили на стереотип о Японии особый отпечаток жестокости на грани садизма. Если до начала этой войны японцев считали варварами, захватчиками, им не могли простить унижения китайцев как нации и Китая как суверенного государства, то после нее японцы стали восприниматься как некая беспричинно жестокая сила, вызывающая страх и отвращение.

¹ Японская агрессия и Китай. //

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/11878/%D0%9D%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E>

² Эпизод второй японо-китайской войны, в ходе которого в Нанкине, столице Китайской республики, японские военнослужащие совершили массовые убийства гражданского населения и изнасилования. Насилие продолжалось в течение шести недель, начавшись 13 декабря 1937, в день, когда японцы овладели городом. За этот период солдаты Японской императорской армии убили, по разным оценкам, от 40 000 до более 300 000 китайских гражданских лиц и разоружённых солдат.

³ Japanese Imperialism and the Massacre in Nanjing. An English translation of a classified Chinese document on the Nanjing Massacre. // <http://museums.cnd.org/njmassacre/njm-tran/index.html/>

⁴ Специальный отряд японских вооружённых сил, занимался исследованиями в области биологического оружия, опыты производились на живых людях (военнопленных, похищенных). Также проводились опыты с целью установления количества времени, которое человек может прожить под воздействием разных экстремальных факторов // См.: Сэйити М. Кухня дьявола. – <http://www.x-libri.ru/elib/morim000/00000001.htm>

⁵ Сэйити М. – Кухня дьявола. – <http://www.x-libri.ru/elib/morim000/00000001.htm>

⁶ Sheldon H. Harris. Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932-45 and the American Cover-Up. <https://books.google.ru/books?id=yCZ6yr-J3dIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

⁷ Военные преступления японской императорской армии. // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/japanese-army.htm/>

Образ Японии в китайском национальном сознании формировался веками, отдельные события оставили тяжелый исторический след, другие же не получили отклика в массовом сознании, однако хорошо отпечатались в элитарном сознании, сознании стоящих у власти, и имеющих большое влияние на народное настроение.

Элитарное сознание более гибко воспринимает изменения и быстрее вносит коррективы в собственное представление о нации. Однако и оно подвержено некоторому упрощению и стремлению оправдать все новое, происходящее в мире, уже известными закономерностями. Именно за счет этого механизма даже в сознании власть имущих в Китае так долго «выживал» образ «Японца-варвара». Именно поэтому в массовом сознании осталось это унижительное для японцев «карликовый черт». Но стоит отметить еще одну важнейшую черту стереотипа. Ни одно событие не исчезает из него бесследно, ни один эпизод не будет стерт из исторической памяти народа, а потому каждое событие только добавляет новых деталей.

3. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПА О ЯПОНИИ В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

Национальный стереотип помимо основы, строящейся на историческом опыте, имеет так же «надстройку», складывающуюся из повседневного опыта каждого конкретного человека, деятельности СМИ, текущей политической ситуации, воздействия произведений современной культуры, отражающей образ народа и многих других факторов.

В XXI в. Япония и Китай выступают как влиятельные игроки в мировой и региональной политике. От состояния японо-китайских отношений в огромной мере зависит, будет ли стабильна военно-политическая и экономическая обстановка в АТР. При этом отношения между Японией и Китаем характеризуются противоречивостью и недостаточной сбалансированностью. Если торгово-экономические связи в структуре двусторонних отношений носят достаточно устойчивый характер, то в политической сфере периодически возникает напряженность.

Сотрудничество между странами практически охватило все сферы деятельности (торговля, инвестиции, наука и техника, образование, культурные обмены и т.д.). Китайские мигранты и этнические китайцы составляют большинство среди местных жителей иностранных диаспор, а китайские туристы стали важным источником японского туризма.

Однако, в Пекине с большими подозрениями следят за стратегическими планами Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ее действиями в области безопасности, направленными против Китая.

В отношениях между двумя странами остается много нерешенных проблем¹.

К настоящему времени в можно выделить несколько наиболее напряженных моментов китайско-японских отношений, влияющих на мнение

¹Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений // <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240246.phtml/>

о стране партнере, по большей части все эти проблемы так или иначе резонируют с историческим прошлым нации:

Проблема исторического прошлого, которая на данный момент может быть разделена на 3 основных точки напряжения:

Первая из них затрагивает разногласия относительно трактовки исторических событий и, как следствие, проблеме учебников истории; Вторая касается негодования китайской стороны по поводу посещения официальными лицами высшего ранга Японии токийского храма Ясукуни; и недовольство китайской стороны относительно форм извинений Японии за агрессию 1937—1945 гг.¹

Первый аспект, в отличие от двух других, не ограничивается событиями японской агрессии 1937-1945 гг. и, поэтому, заключается не только в расхождениях в интерпретации исторических событий китайско-японских отношений, но и в значительном заряде взаимного негатива, накопленного за многие годы. Эта тенденция существует приблизительно с начала XX века. Япония стала основным противником процесса реализации идеи большого и суверенного Китая с ярко выраженной национальной самоидентификацией. В первых же учебниках по истории, напечатанных в Китайской Народной Республике, Япония определялась как враждебная страна. В 1915 году, а затем в 1919 году, Япония заявляла протесты китайским властям в связи с откровенной антияпонской направленностью образования в Китае. В 1932-1933 годах в Лиге Наций даже была создана комиссия для анализа ситуации, сложившейся в Маньчжурии, и обострившихся отношений между Китаем и Японией. Одной из тем, которые исследовала комиссия, стала проблема учебников. Комиссия признала, что в обеих странах существует тенденция негативной подачи материалов друг о друге. Японская агрессия 1937-1945 годов еще более усугубила ситуацию. Китай обвинял Японию в замалчивании, злонамеренном искажении

¹ Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions
<http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/north-east-asia/258-old-scores-and-grudges-evolving-sino-japanese-tensions.pdf>

исторических фактов, сознательной подмене формулировок, имеющих отношение к описанию японской агрессии в Китае. Необходимо пояснить, что единого учебника истории в Японии не существует. Министерство образования рекомендует школам учебники истории, которые могут быть использованы в учебном процессе. Тексты учебников проходят экспертную оценку Министерства образования, работа которого постоянно подвергается жесткой критике со стороны различных общественных организаций. Поскольку острая полемика разворачивается в открытой печати, в Китае также следят за ее ходом¹.

Первый случай дипломатического скандала между Китаем и Японией из-за японских учебников по истории произошел в 1982 году. Это был год десятой годовщины установления китайско-японских дипломатических отношений. На фоне подготовки визита некоторые японские газеты и телевизионные каналы сообщили о распоряжении внести изменения в учебники истории. В частности, было предложено заменить в текстах слово «вторжение» на «наступление». МИД КНР выступило с нотой протеста. Вскоре выяснилось, что никаких распоряжений не было — репортеры с непомерной фантазией сделали «сенсацию», и скандал был улажен.

В мае 1986 года произошел инцидент, касающийся учебников для школы высшей ступени (10-12-е классы). Министерская экспертная комиссия по учебникам истории одобрила текст, написанный группой японских историков националистических взглядов. Вновь были заявлены протесты КНР, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии.

Новый инцидент случился в 1997 году. Под неослабевающим давлением общественности и политических элит КНР и Южной Кореи в Японии в 1991 году было проведено расследование в структуре Министерства иностранных дел по вопросу о публичных домах японской императорской армии, куда насильно рекрутировали китайцев и корейцев. Летом 1993 года японское правительство распространило меморандум, в

¹Проблема японских школьных учебников: Китай, Корея и «фусося». // <http://vestnik.kr/articles/3185.html/>

котором признало существование практики насильственной вербовки женщин с оккупированных территорий Азии в публичные дома японской императорской армии и выступило с официальными извинениями. Это стало поводом для острой полемики между КНР и Японией и на дипломатическом уровне, и в общественно-политической прессе. Кроме того, в Японии развернулась не менее острая дискуссия по этому вопросу. Министерство образования Японии поддерживало идею освещения (в определенной степени) этой проблемы в школьных учебниках. Японская ассоциация учителей разделилась на два лагеря: нужно ли вообще говорить об этом в школе, и если да, то с какого возраста было бы уместно узнать это школьникам.

Спустя несколько лет, в 1997 году, в Японии было принято решение о внесении дополнений в учебники истории для школы средней ступени (7—9-е классы). Это вызвало бурю негодования со стороны японских национал-патриотов.

Полемика внутри Японии по проблеме исторического прошлого в основном представлена двумя подходами: не признавать, будто ничего и не было, а если признавать (под влиянием других стран), то не акцентировать.

В Китае очень болезненно реагируют на непрекращающиеся попытки некоторых японских политиков замалчивать или преуменьшать физический и моральный ущерб, нанесенный Китаю во время японской агрессии 1937—1945 годов.

Главным пунктом в длинном перечне преступлений японских милитаристов в Китае является резня в Нанкине в декабре 1937 года¹. Исследователи этого вопроса уже несколько десятилетий не оставляют попыток хотя бы приблизительно уточнить число жертв трагедии в Нанкине. В некоторых японских учебниках истории для школы средней ступени указывается приблизительная цифра 200 000 погибших, взятая из документов

¹ Военные преступления японской императорской армии. // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/japanese-army.htm/>

Токийского трибунала. В КНР оценивают количество жертв в 300 000. Некоторые китайские исследователи указывают гораздо большие цифры¹.

Еще одной болезненной темой в китайско-японских отношениях является проблема посещения высокопоставленными японскими официальными лицами храма Ясукуни в Токио.

Синтоистский храм Ясукуни был построен в 1869 году и до окончания Второй мировой войны, являясь главным синтоистским храмом страны и религиозно-идеологическим оплотом для пропаганды японского милитаризма, использовался для поминовения погибших в различных войнах граждан Японии (военнослужащих и гражданских), начиная с 1853 годов. Имена жертв (приблизительно 2,4 млн.) занесены в символические книги памяти. В 1979 году высшие сановники храма канонизировали политических и военных деятелей императорской Японии, признанных виновными в военных преступлениях Токийским трибуналом и военно-полевыми судами сил антияпонской коалиции.

Это вызвало возмущение КНР и других азиатских стран. 15 августа 1985 года — в день 40-й годовщины окончания Второй мировой войны премьер-министр Ясухиро Накасонэ совершил первый за 40 лет официальный визит в Ясукуни. Это событие было встречено в КНР, Корее и других странах с негодованием. Обоснованно возникли сомнения в искренности прежних заявлений японского руководства о покаянии за преступления прошлых поколений.

Общественность Японии также была взбудоражена, и вновь полемика поляризовала страну. Под влиянием критики извне и внутри Японии премьер-министр Ясухиро Накасонэ был вынужден отменить практику официальных визитов в Ясукуни.

Ситуация повторилась через 20 лет. С 2001 по сентябрь 2006 года в Японии на должности премьера находился Дзюньитиро Коидзуми, который возобновил практику ежегодных официальных визитов в Ясукуни.

¹СэйитиМ. Кухнядьявола. // <http://www.x-libri.ru/elib/morim000/00000001.htm>

Сторонники посещения храма выдвигают разнообразные доводы для оправдания. Например, такой, что на военных преступников была возложена ответственность за войну и геноцид, они понесли суровое наказание — свыше 900 человек были казнены, поэтому их души теперь заслуживают покоя и поминовения. Другие считают, что посещение храма 15 августа — это дань памяти невинных жертв — мирного населения и военных, не имевших отношения к виновникам развязывания войны. Распространено также мнение, что раз уж Коидзуми настроен посещать храм Ясукуни, то пусть делает это неофициально, как частное лицо или в другой день. Есть и такие, кто считает, что, отказавшись от посещения Ясукуни, японское руководство уступит Китаю, чего делать нельзя в принципе¹.

Необходимо также отметить, что император Хирохито (отец нынешнего императора) ежегодно посещал храм 15 августа, но после канонизации военных преступников прекратил посещения, а его сын — император Акихито, взойдя на престол, также перестал посещать Ясукуни. Вместо этого императорская чета участвует в поминальной церемонии 15 августа в другом месте.

Тема посещения храма Ясукуни весьма резонансна. Однако в связи с этим знаковым религиозным учреждением практически не упоминается другое заведение — военно-исторический музей, находящийся совсем рядом с храмом. В отличие от духовно-спиритического воздействия храма музей, создает ощущение правоты и обоснованности войны в Азии. Особенно непримиримую позицию по данному вопросу Пекин занял в 2005 году юбилейном году победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Можно усмотреть в этом политическую кампанию по достижению нескольких целей.

Во-первых, упрочение связей (насколько возможно в каждом отдельном случае) со странами-победительницами — Россией, США,

¹ Премьер-министр Японии опять демонстративно посетил храм Ясукуни.
<http://www.newsru.com/world/17oct2005/xpam.html/>

Великобританией, Францией. Возможно, громкая реакция Пекина по историческому поводу должна подчеркнуть нежелание видеть Японию в Совете Безопасности ООН, куда Токио давно стремится.

Во-вторых, не исключается, что кампания критики Токио направлена на отвлечение широких слоев китайского общества от проблем внутри страны: растущий разрыв материального положения города и деревни, недовольство крестьян, а также другие проблемы, связанные с быстрым экономическим ростом страны. Для консолидации многонационального государства, для внутренней политической борьбы Пекину удобно иметь внешний объект для критики.

Еще одной проблемой из исторического «набора», влияющей на китайско-японские отношения, является вопрос ответственности Японии перед Китаем за агрессию 1937-1945 годов. Когда речь заходит об ответственности за войну, японская сторона вопрошает в недоумении: «Сколько еще раз Япония должна извиниться?» Однако Китай критикует Японию за то, что свои извинения Токио приносит в виде устных заявлений или в кулуарных беседах, а не в форме дипломатических документов. На фоне ситуации с посещением Ясукуни и японскими учебниками истории у Пекина имеется еще больше оснований критиковать Токио¹.

Этот вопрос осложняется еще одним обстоятельством. В 1972 году, когда Пекин и Токио нормализовали двусторонние отношения, высшее руководство КНР ради будущего китайско-японских отношений признало, что ответственность за войну лежит на японской военно-политической верхушке. Япония согласилась с этой формулировкой, и в совместном коммюнике было зафиксировано, что японская сторона полностью признает ответственность за серьезный ущерб, нанесенный Японией китайскому народу и глубоко сожалеет об этом.

С начала 1980-х гг. японские руководители более десяти раз выражали в различных формах и по различным случаям извинения в адрес азиатских

¹ Азия в оковах прошлого. // <http://inosmi.ru/fareast/20150116/225618285.html/>

народов. Особенно актуальность проблемы извинений выросла с началом 1990-х гг., когда Япония поставила перед собой задачу существенно повысить свою глобальную политическую роль, для решения которой нужно было заручиться поддержкой азиатских стран (Япония позиционировала себя как представителя Азии в Большой восьмерке, в ООН и иных международных форматах). Сразу несколько японских премьер-министров выступили с заявлениями, осуждающими милитаристское прошлое страны. Так, М. Хосокава в своей речи 15 августа 1993 г. на ежегодной церемонии, посвящённой окончанию Второй мировой войны, признал, что война, которую вела тогда Япония, была агрессивной. Это было первое за всю послевоенную историю признание подобного рода – ранее японские официальные лица предпочитали вообще не использовать термин «агрессия»¹.

Япония несколько раз приносила извинения за агрессию 1937 года на самом высоком уровне: в 1972 году – при заключении дипломатических отношений, в 1978 году – при подписании китайско-японского договора о дружбе и сотрудничестве, в 1995 году – при принятии официального решения премьер-министра Мураямы по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, в 1998 году – в китайско-японской совместной декларации, в 2005 году – на Азиатско-Африканском саммите в Индонезии премьером Коидзуми. Китайская сторона официально принимала эти извинения. Но всякий раз данная проблема возникает снова и снова².

Таким образом, исторический вопрос в проблематике китайско-японских отношений, хотя и существует в значительной мере самостоятельно (т. е. как реальное историческое прошлое и его различные интерпретации), благодаря усилиям национальных элит еще долгое время будет тесно увязываться с политическими и экономическими аспектами двусторонних

¹Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. – Ежегодник Япония. - № 43. – 2014. С 7-27.

²Joint Communiqué of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. // http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/305692/Joint_Communicu%C3%A9_of_the_Government_of_Japan_and_the_Government_of_the_People%27s_Republic_of_China/

отношений и использоваться (при необходимости — обостряться) для достижения геополитических целей. Таких, как например, не допустить усиления влияния Японии на международной арене, в очередной раз акцентировав внимание на ее роли страны-агрессора.

Еще одним фактором, значительным образом воздействующим на характер взаимного восприятия современных японцев и китайцев, это проблема так называемых спорных территорий, в частности проблема принадлежности спорных островов Даоюйдао/Сенкаку¹

Официальная позиция Китая заключается в следующем «Остров Даюйдао и прилегающие к нему острова являются неотъемлемой частью территории Китая. Как с исторической точки зрения, так и с правовой, остров Даюйдао и прилегающие к нему острова – исконно китайская территория. Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами Даюйдао»².

В доказательство своей точки зрения КНР приводит следующие тезисы. Во-первых, Китай первым обнаружил, дал названия и вел освоение островов Даюйдао, в доказательство этого тезиса приводятся исторические записи такие как: «Проводы с попутным ветром» 1403 года, «Записки посланника в Рюкю» 1534, 1562, 1576, 1800 годов, «Записки вестей от Чжуншань» 1719 года, «Продолжение записок о царстве Рюкю» 1808 года. В заключении доказательства выше обозначенного тезиса утверждается, что «морская акватория островов Даюйдао традиционно была промысловой зоной Китая, китайские рыбаки из поколения в поколение занимались рыболовством в этом районе. Острова Даюйдао служили важными морскими ориентирами для жителей приморских районов юго-восточного Китая.»³.

Во-вторых, острова Даюйдао находились в долгосрочном административном ведении Китая, это утверждение подтверждается тем, что уже во время правления династии Мин острова были включены в зону обороны от японских пиратов, которые часто вторгались на юго-восточное

¹ Острова Даоюйдао/Сенкаку – Архипелаг в Восточно-китайском море, состоящий из 5 необитаемых островов и 3 скал, общая площадь не превышает семи квадратных километров.

² Острова Даюйдао – исконно китайская территория <http://www.diaoyudao.org.cn/ru/index.htm>

³ Там же

побережье. В доказательство приводится перечень источников в хронологической последовательности, подтверждающий что во времена династии Мин и после Цин как «наследницы Мин» острова включались не только в состав части китайской территории но и входили в линию морской обороны, а позже находились под контролем администрации Тайваня и были включены в список важных крепостей морской обороны¹.

В-третьих, китайские и иностранные географические карты, свидетельствующие о принадлежности Дяоюйдао Китаю, для доказательства этого тезиса используются карты, входящие в «Записки посланника в Рюкю», «Записи чиновника, ведавшего заморскими посольствами империи Мин» 1629 года, а так же «Всеобщая географическая карта», составленная в 1767 году, и «Атлас Великой империи Цин». А так же предоставлено свидетельство того, что в 1785 году острова Дяоюйдао причислялись к территории Китая даже Японией в качестве доказательства выступает «Карта трех префектур Рюкю и тридцати шести островов». Так же найдены карты составленные в других странах, на которых острова отмечены как китайская территория, это карты выпущенные в разное время во Франции, Великобритании, Португалии и США².

Помимо исторических источников для доказательства своей позиции КНР использует так же тексты нескольких международных договоров: Каирской декларации 1943 г.³, Потсдамская декларация 1945 г.⁴, а так же акт о капитуляции Японии 1945 г.⁵, ликвидирующие последствия Симоносекского договора 1895 г.⁶

В свою очередь Япония отказывается признавать сам факт наличия территориальной проблемы группы островов Дяоюйдао. «Как исторически, так и с точки зрения международного права очевидно, что острова Сэнкаку

¹ Острова Дяоюйдао – исконно китайская территория http://www.diaoyudao.org.cn/ru/2015-06/28/content_35926752.htm

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

являются исконной территорией Японии. Действительно, Япония эффективно контролирует их. Следовательно, проблемы территориального суверенитета, которая должна быть решена относительно островов Сэнкаку, не существует»¹.

В доказательство этой точки зрения Япония приводит следующие факты.

Острова Сэнкаку не были включены в территории, от которых Япония отказалась по Статье 2 Сан-Францисского мирного договора 1951 года, который юридически подтвердил территорию Японии после Второй мировой войны. В соответствии со Статьей 3 данного Договора, острова были помещены под управление Соединенных Штатов как часть архипелага Нансэй. Острова Сэнкаку также были включены в регионы, административные права на которые были возвращены Японии в соответствии с Соглашением между Японией и США относительно архипелага Рюкю и островов Дайто, который вступил в силу в 1972 году. Японское правительство также добавляет – «Острова Сэнкаку исторически неизменно являются частью архипелага Нансэй, который является территорией Японии. Начиная с 1885 года исследования островов Сэнкаку тщательно проводились Правительством Японии через учреждения префектуры Окинава и другими методами. В рамках этих исследований было подтверждено, что острова Сэнкаку не только были необитаемы, но и не было никаких следов того, что острова находились под контролем китайской династии Цин. На основании этого подтверждения Правительство Японии приняло решение Кабинета министров от 14 января 1895 года установить на островах маркерный столб и официально включило острова Сэнкаку в состав территории Японии. Эти меры соответствуют способам надлежащего приобретения территориального суверенитета на основе международного права (правовой принцип первоочередного занятия территории). Острова

¹ Острова Сенкаку // <http://www.ru.emb-japan.go.jp/territory/senkaku/question-and-answer.html#q1>

Сэнкаку не были ни частью острова Тайвань, ни частью Пескадорских островов, которые были уступлены Японии цинским Китаем в соответствии со Статьей 2 Симоносекского договора, который был заключен в апреле 1895 года».

Япония приводит некоторые доказательства того, что группа островов находилась под «эффективным контролем» Японского правительства. «Один из жителей префектуры Окинава, который участвовал в такой деятельности, как рыболовство вокруг островов Сэнкаку примерно с 1884 года, подал заявку на аренду государственной земли, которая была разрешена Правительством Мэйдзи (Япония) в 1896 году. На основании данного разрешения это частное лицо направило на острова работников и вело следующие дела: сбор птичьих перьев, производство сушеного тунца, сбор кораллов, скотоводство, производство консервов, добыча минерального фосфата гуано. Тот факт, что Правительство Мэйдзи дало частному лицу разрешение на использования островов Сэнкаку, а лицо, получившее разрешение, на его основании могло открыто осуществлять там предпринимательскую деятельность, демонстрирует эффективный контроль Японии над этими островами»¹

В Восточно-Китайском море сталкиваются весьма существенные интересы Японии и Китая. Обе страны проявляют готовность их отстаивать, неохотно идя на компромисс. Это становится периодически причиной ухудшения двусторонних отношений. Как это происходит в настоящее время, после очередного инцидента в этом районе².

Инцидент в Восточно-Китайском море. В сентябре 2010 года вблизи островов Сэнкаку (по-китайски – Дяоюйдао), суверенитет на которые Японии Китай оспаривает, произошло столкновение китайского траулера с двумя патрульными катерами береговой охраны Японии. По утверждению японской стороны, капитан китайского судна намеренно осуществил таран

¹Там же

² Токио и Пекин снова спорят из-за кусочка суши//
http://mgimo.ru/about/news/experts/162880/?sphrase_id=574939

японских катеров. Траулер был японскими властями задержан. После снятия показаний члены экипажа, кроме капитана, были освобождены. Дело капитана подлежало рассмотрению окружного суда г. Наха японской префектуры Окинава. С самого начала официальные лица КНР настаивали на том, что «всю полноту ответственности» за инцидент должна нести Япония¹.

Добиваясь своей цели, Китай предпринял ряд мер воздействия на Японию. Было отменено проведение переговоров по вопросу заключения соглашения о совместной разработке месторождений природного газа в Восточно-Китайском море, был введен запрет на экспорт в Японию редкоземельных металлов, были ужесточены таможенные процедуры для экспортируемых в Японию и импортируемых из Японии товаров, что приводило к затягиванию сроков их доставки потребителям. Речь шла о фактическом нарушении правил ВТО. Также в качестве ответной меры на задержание китайского судна в КНР (провинция Хэбэй) были арестованы 4 служащих японской компании Фудзита, которые находились в Китае в соответствии с межправительственным соглашением о программе утилизации химических боеприпасов, оставленных японской армией в период войны в Китае.

Под давлением Пекина японская сторона довольно скоро отказалась от судебного разбирательства действий капитана китайского траулера. Отношения не удалось вернуть в русло тех договоренностей, которые были достигнуты между Токио и Пекином в период 2006-2009 годов, когда на государственном уровне стороны согласились развивать «стратегические взаимовыгодные отношения».

События, связанные с инцидентом, имели значительный общественный резонанс в Японии. Как показали данные опроса, проведенного газетой Иомиури, более 80% респондентов выразили крайнюю неудовлетворенность действиями кабинета министров по урегулированию ситуации. Одновременно серьезно пострадал в глазах японцев имидж Китая.

¹ Терехов В.Ф. Очередной инцидент в районе островов Сенкаку // <http://riss.ru/smi/1429/>

Последний инцидент, связанный с архипелагом, произошел в конце декабря 2014 года. Обострение конфликта произошло в следствии того, что Китай начал строительство военной базы вблизи спорных островов¹

Разногласия вокруг границы и ресурсов в Восточно-Китайском море. Вопрос о разграничении Особых экономических зон Японии и Китая со временем обрел высокую актуальность. При этом их подходы не совпадают. Китай проводит линию своей границы по кромке континентального шельфа. Она проходит гораздо восточнее (в 340 морских милях от побережья КНР, вплоть до «Окинавской впадины») той, которую признает Япония: та ее ведет по центральной линии, равноудаленной от континента и Окинавы²

С 2005 года японские компании получили разрешение своего правительства на ведение поисковых работ в этом районе. Китайская сторона расценила это как провокацию. Возникшая с этого времени эскалация напряженности в этом районе продолжалась до 2006 года, когда стало возможным начать переговоры руководства двух стран с целью нормализации обстановки. Была даже достигнута договоренность о совместном освоении ресурсов Восточно-Китайского моря. Но согласовать позиции сторон не удастся. Китай считает, что проблемы принадлежности островов Дяоюйдао и демаркации японо-китайской границы в Восточно-Китайском море следует решать одновременно. Япония не готова принимать такого подхода, вообще не заинтересована обсуждать территориальную принадлежность островов Сэнкаку.

Анализ событий вокруг японо-китайского инцидента у островов Сэнкаку в сентябре 2012 года и декабре 2014, а также позиций Токио и Пекина по всем спорным вопросам в Восточно-Китайском море дают основание полагать, что здесь в ближайшие годы сохранится потенциальный

¹Китай строит военную базу около спорных с Японией островов Сэнкаку // <http://vz.ru/news/2014/12/22/721556.html/>

² Острова Сэнкаку – острова раздора между КНР и Японией. // <http://nbenegroup.com/territory/islandsS.html/>

очаг напряженности, угрожающий стабильности военно-политической обстановки в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом¹.

Таким образом, по общим оценкам взаимопонимание между китайцами и японцами пока не изменилось к лучшему. Главные причины такого положения - националистический консерватизм японского населения и повышенная чувствительность китайского населения к своему историческому прошлому.

Очень показательно отношение представителей Китая к японской культуре. По опросам 2001 года почти 3/4 опрошенных отказали Японии в том, что она имеет замечательную историю и культуру. В данном случае важную роль сыграло более чем негативная оценка китайцами исторического пути Японии. Многие жители Китая считали, что «экономический гигант» является «культурным карликом», т.к. «Япония хорошо воспринимает культуру, но не способна передавать и внедрять свои собственные ценности за рубежом». Если брать более широкое понятие культуры, то в него входят и язык, и национальная кухня и т.д. Опрос, в частности, показал, что китайские студенты весьма неоднозначно относятся к японскому языку (около 40% опрошенных заявили о своих симпатиях к нему, примерно столько же высказали противоположную точку зрения.) Лишь около 20% опрошенных высоко оценили японскую классическую литературу, в то время как около 50% затруднились ответить².

Согласно результатам опроса, опубликованным в 2009 году в Пекине, японо-китайские отношения, однажды охарактеризованные как «холодная» политика, «горячая» экономика», теперь вступили в новую фазу под названием «горячая» политика, «холодное» общество».

«Genron», неправительственная японская организация, и «ChinaDaily», государственная китайская газета, выходящая на английском языке,

¹ Антияпонские выступления в Китае переросли в беспорядки и мародерство. // <http://www.epochtimes.ru/content/view/66293/4/>

² Струкова М.И., Щелконогова Е.А. Стереотипы восприятия Японии жителями Китая в контексте современных отношений двух стран. - Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2007. №6. С.190-196.

совместно провели опрос общественного мнения касательно взаимоотношений между Японией и Китаем.

Опрос проводился в мае-июне 2010 года среди 1000 японцев и 1589 китайцев из пяти городов, включавших Пекин, Шанхай и Сиань. Около 71% опрошенных китайских респондентов описали текущие японо-китайские отношения как «очень хорошие» или «относительно хорошие», что на 17 пунктов выше по сравнению с 2008 годом, тогда как аналогичным образом ответили 15% опрошенных японцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Образ» Японии в глазах Китая складывался в процессе длительной эволюции сложных отношений двух стран и отличался весьма неоднозначным и более противоречивым характером по сравнению с его японским аналогом. Существенную роль в его формировании играли китайско-японская культурно-расовая общность, динамичный прогресс Японии и постепенное расширение масштабов японского политического и военного давления на Китай.

Восприятие китайцев как продукта конфуцианской культуры не было свободно от проявления особого рода великодержавия и ксенофобии. Так, традиционный подход к Японии со стороны китайской феодально-консервативной элиты характеризовался отношением к ней как к «варварскому» социуму, который, заимствовав китайские культурные ценности, на определенном этапе исказил их в погоне за атрибутами западной цивилизации.

В последние десятилетия XIX в. наряду с традиционно-консервативным подходом получил развитие новый взгляд на Японию, характерный для представителей прогрессивных общественных сил Китая. Для многих представителей прогрессивной китайской интеллигенции Япония эпохи Мэйдзи явилась образцом прогресса, быстрой и динамичной модернизации социально-экономической и политической систем, своего рода феноменом превращения из отсталой и зависимой азиатской страны в сильное и процветающее государство. Данное восприятие было основано в значительной степени на эмоциональном отношении к стране «Восходящего солнца», на субъективном понимании характера культурно-исторических традиций и межгосударственных связей с акцентом на расовой и культурной общности китайского и японского народов, то есть неизменно окрашивалось в националистические тона. В рамках такого подхода Япония воспринималась равно и как агрессивная, милитаристская держава,

угрожающая китайской государственности, но и как «надежда Азии», как страна, бросившая вызов колонизаторам белой расы и заставившая их уважительно относиться к азиатским народам. В частности, в суньятсеновской доктрине паназиатизма решающее значение отводилось сотрудничеству Китая и Японии — «наций одной расы и одной культуры», подчеркивался особый характер отношений, связывающий судьбы двух стран.

В послевоенный период процесс взаимного изменения оценочных социально-психологических стереотипов как в Китае, так и в Японии был продолжительным и сложным. Его эволюция происходила на фоне кардинальных социально-экономических и политических сдвигов в обеих странах и в мире в целом — победы народной революции в Китае, остававшемся в 50-х гг. на платформе союзнических отношений с мировым социализмом, бурного послевоенного экономического роста Японии, наконец, начавшегося в 60-е гг. процесса внешнеполитической переориентации китайского руководства. В период «холодной войны» социально-психологические стереотипы «взаимовидения» оказались теснейшим образом связаны с политикой, формировались под ее непосредственным влиянием и в свою очередь непосредственно воздействовали на нее.

Сегодняшний стереотип восприятия Японии в Китае, формировавшийся на базе культурно-исторических традиций, расовой общности и трудных политических отношений за последние сто лет своеобразно аккумулирует сложный комплекс противоречивых чувств, настроений и эмоций. В нем тесно соседствуют: ощущение собственного величия, выросшей мощи и значимости для Японии и одновременно понимание огромной технико-экономической отсталости Китая в сравнении со своим восточноазиатским соседом; память о прошлой агрессивной политике Японии, связанное с этим настороженное к ней отношение и явное тяготение к Японии, азиатской стране, ставшей крупнейшей индустриальной

державой капиталистического мира, от которой можно получить экономическую помощь и поддержку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адамчик В.В., Адамчик М.В. История Китая. –Минск: Изд. Харвест. - 2005. – 736 с.
2. Азия в оковах прошлого. // <http://inosmi.ru/fareast/20150116/225618285.html/>
3. Алаев Л.Б., Ашрафян К.З. История Востока. Том 2. Восток в средние века. –Изд: Восточная литература. - 2009. 368 с.
4. Антияпонские выступления в Китае переросли в беспорядки и мародерство.// <http://www.epochtimes.ru/content/view/66293/4//>
5. Васильев Л.С. Древний Китай. Учебное пособие. – Изд: Университетская книга, 2015. –624 с.
6. Васильев Л., Лапина З. - История Китая. –М.: Изд: МГУ, Оникс. - 2014. – 872 с.
7. Внешняя политика Японии в начале XX в.// <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st060.shtml>
8. Волошина А. В Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. - №3. – 2015. – С. 41-51.
9. Военные преступления японской императорской армии. // <http://www.genocide.ru/lib/genocides/japanese-army.htm//>
- 10.Гарушянц Ю. М.. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. // <http://www.allistoria.ru/allis-450-1.html>
- 11.Евгеньева Т.В. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. - // ПОЛИС Политические исследования. – 2013. - № 6. – С. 175-180.
- 12.История Китая 1918-1939г. // http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=644:istoriya-kitaya&Itemid=17
- 13.История династии Сун // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/VI/Sun_shu/text1.htm/
- 14.История династии поздняя Хань // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/III/Fan_E/text3.htm/
- 15.Исторические записи трех государств. Книга двадцать восьмая. Летописи Пэкче.// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/Tom_II/frameset28.htm/
- 16.Каткова З.Д., Чудодеев Ю.Д.. – Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30–40-е годы XX в.). –М.: ИВ РАН – КРАФТ+, 2001. – 377 с.
- 17.Китай строит военную базу около спорных с Японией островов Сенкаку // <http://vz.ru/news/2014/12/22/721556.html/>

18. Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. – М.: Изд: Наука, 1977. 624 с.
19. Конрад Н.И. - Избранные труды. История. - М.: Наука, - 1974. – 472 с.
20. Крымов А. Г. - Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900-1917 гг.) // <https://books.google.ru/books/about/%D0%9E%D0%B1%D1B5% %B2%D0%B5>
21. Крысько В. Г.. — Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия». - 2002. – 320 с.
22. Кузнецов Ю.Д.. — История Японии. // <http://nippon-history.ru/books/item/f00/s00/z0000011/index.shtml>
23. Лузянин С.Г. Китай-Япония: логика отношений // <http://www.mgimo.ru/news/experts/document240246.phtml/>
24. Лузянин С.Г. Токио и Пекин снова спорят из-за кусочка суши http://mgimo.ru/about/news/experts/162880/?sphrase_id=574939
25. Меликсетов А.В. История Китая. – М.: Изд: МГУ, Оникс. – 2014. – 736 с.
26. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – Мю: Изд: АСТ. – 2001. – 632 с.
27. Навлицкая Г.Б.. — История Японии. - М.: Изд: Высшая школа. 1998. - 432 с.
28. Начало распространения марксизма в Китае // <http://chinesehist.ru/li-da-chzhao-i-chen-du-syu/>
29. Непомнин О. Е. – История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. – М.: Изд: «Восточная литература» РАН. – 2005. 712 с.
30. Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. – Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. – М.: Восточная литература. – 2001. – 334 с.
31. Нозиков Н.Г.. — Японо-китайская война 1894–1895 гг. - М.: Воениздат НКО СССР. - 1939. — 104 с.
32. Ольшанский Д.В.. — Основы политической психологии. - Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.
33. Острова Дяоюйдао — исконно китайская территория // <http://www.diaoyudao.org.cn/ru/index.htm>
34. Острова Сенкаку — острова раздора между КНР и Японией. // <http://nbenegroup.com/territory/islandsS.html/>
35. Пак М.Н. – История и историография Кореи. Избранные труды. – М.: Изд: Восточная литература, 2003. – 112 с.
36. Пасков С.С. - Япония в раннее средневековье VII-XII века. Исторические очерки. – М.: Изд: Либроком, 2014. – 200 с.
37. Политика самоусиления и попытки реформ в Китае во второй половине XIX в. // <http://maxbooks.ru/chinese1/cn39.htm>
38. Политика самоизоляции // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/148296/>
39. Премьер-министр Японии опять демонстративно посетил храм Ясукуни. // <http://www.newsru.com/world/17oct2005/xpam.html/>
40. Проблема японских школьных учебников: Китай, Корея и «фусося». // <http://vestnik.kr/articles/3185.html/>
41. Рассел Дж., Кон Р. – Империя Цин. Изд: VSD, 2012. – 120 с.

- 42.Родригес А.М. – История стран Азии и Африки в новое время. Часть 1. – М.: Владос. – 2014. –464 с.
- 43.Родионова И.А.. – Мировая экономика. Учебное пособие. - Спб .: Изд: Питер., 2005. – 459 с.
- 44.Свод законов "ТайхоРицурё". 702-718 гг. Рицу (Уголовный кодекс). [//http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700720/Tajhore_III/text1.phtml?id=1135](http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700720/Tajhore_III/text1.phtml?id=1135)
- 45.Семин А.В. - Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX - начало XXI века). - М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. –282 с.
- 46.Сладовский М.И. - Китай и Япония. –М.: Изд: Наука. - 1971. –437 с.
- 47.Стрельцов Д.В. Япония в поисках новой глобальной роли. – М.: Изд: Наука – Восточная литература, 2014.–303 с.
- 48.Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. // Ежегодник Япония. – 2014. - № 43. С 7-27.
- 49.Струкова М.И.Щелконогова Е.А. Стереотипы восприятия Японии жителями Китая в контексте современных отношений двух стран. // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2007. №6. С.190-196.
- 50.Скляр А.Ю. Страна восходящего солнца. Загадки древней истории. – Изд: Вече, 2014. – 288 с.
- 51.Сэйити М. – Кухня дьявола. [//http://www.x-libri.ru/elib/morim000/00000001.htm](http://www.x-libri.ru/elib/morim000/00000001.htm)
- 52.ТакусироХаттори – Япония в войне 1941-1945гг. // http://www.e-reading.club/bookreader.php/139065/Hattori_-_Yaponiya_v_voyne_1941-1945_gg.html
- 53.Терехов В.Ф. Очередной инцидент в районе островов Сенкаку // <http://riss.ru/smi/1429//>
- 54.Уваров П.Ю. – Всемирная история. Том 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока.- М.: Наука, 2012 – 881 с.
- 55.Шестопа Е.Б. Политическая психология. – М.: Аспект Пресс, 2007. –448 с.
- 56.Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука. - 1984. –203 с.
- 57.Японская агрессия и Китай. [//http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/11878/%D0%9D%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E](http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/11878/%D0%9D%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E)
- 58.Akira Iriya.- The Chinese and the Japanese.Essays in Political Interactions. - .Ed. Princeton, 1980. 382 p.
- 59.Chi Madeleine. - China Diplomacy, 1914—1918. // <https://books.google.ru/books?id=Cs9yOuCZekC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

- 60.China's Struggle to Modernize. // <https://libcom.org/library/social-struggles-chinese-modernization-process>
- 61.Dick Wilson. When Tigers fight. The story of the Sino-Japanese War, 1937—1945. Viking Adult 1982. 269 p.
- 62.Fairbank J.K. - East Asia. Tradition and transformation. - .London. – 1973. – 1056 p.
- 63.Jansen Marius B. - Japan and China from War to Peace, 1894—1972. // https://www.jstor.org/stable/132043?seq=1#page_scan_tab_contents
- 64.Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. // http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/305692/Joint_Communicu%C3%A9_of_the_Government_of_Japan_and_the_Government_of_the_People%27s_Republic_of_China/
- 65.Johson Chalmers. – How China and Japan See Each Other. —«Foreign Affairs», 1972. // <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1972-07-01/how-china-and-japan-see-each-other>
- 66.June Teufel Dreyer. Middle Kingdom and Empire of the Rising Sun: Sino-Japanese Relations, Past and Present. - - Oxford University Press. – P. 498.
- 67.Hall J.W., Jancen M.B. - The Cambridge history of Japan. Vol 3.Medieval Japan.– Cambridge University Press. -2008. – 736 p.
- 68.Hu Pu-yu. The Military Exploits and Deeds of President Chiang Kai-shek. Taipei, 1973 – 265 p.
- 69.Li Dun J. The Ageless Chinese // <http://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/239716>
- 70.Ilai Z. Saltzman. – Securitizing Balance of Power. - Lexington Books. – 2012. – 161 p.
- 71.Piotr Olender. – Sino-Japanese Naval War 1894-1895. - MMPBooks. – 2014. – 180 p.
- 72.Old Scores and New Grudges: Evolving Sino-Japanese Tensions // <http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/north-east-asia/258-old-scores-and-grudges-evolving-sino-japanese-tensions.pdf>
- 73.Pelissier R.L. The Awakening of China. 1793—1949 // <http://www.theodore-roosevelt.com/images/research/treditorials/o157.pdf>
- 74.WangYi-tung. - Official Relations between China and Japan. 1368—1549. – // <http://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674435254>